

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
наука **2** *2010*

**ЭКОЛОГИЯ
И ПОЛИТИКА**

Москва
2010

Дмитрий Валерьевич Ефременко
Политическая наука № 2 /
2010 г. Экология и политика
Серия «Журнал «Политическая наука»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10215383

*Политическая наука № 2 2010 Экология и политика Научный журнал: ИНИОН РАН; Москва; 2010
ISBN 2010-2*

Аннотация

Рассматриваются специфика взаимоотношений человека и окружающей среды в политическом развитии и роль политики в области охраны природы, обсуждаются вопросы теории и практики демократического развития в контексте задач защиты окружающей среды, экологических прав человека, экологически ориентированной политической активности. Анализируются перспективы становления экополитологии как отрасли политической науки.

Для политологов, участников природоохранной деятельности и всех, кто интересуется политическим измерением экологических проблем.

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ	4
РАЗДЕЛ I. СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОПОЛИТОЛОГИИ	6
ЭКОПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ	6
ЭКОПОЛИТОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Политическая наука № 2 2010

Экология и политика Научный журнал

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий номер «Политической науки» посвящен важной для всех нас тематике – взаимодействию экологии и политики, влиянию экологических проблем на развитие политических отношений, формированию экологической политики, ее воздействию на экологическую среду, влиянию осознания значимости экологической проблематики в политической сфере на политическую науку в целом и ее относительно новую субдисциплину – эколопологию.

Об актуальности этих вопросов, полагаю, писать излишне. Сталкиваясь с возрастающим количеством проблем взаимодействия общества и окружающей природы, принятия решений в этой сфере, все большее количество рядовых людей, общественных деятелей и политиков начинают понимать правоту высказывания членов Римского клуба, авторов книги «Пределы роста: 30 лет спустя»: «Мир никогда не сможет уменьшить экологическую нагрузку до устойчивого уровня, если эти попытки не будут основаны на глобальном партнерстве. Катастрофа неизбежна, если люди не научатся относиться к себе и другим как к частичкам единой глобальной системы» [Meadows D.H., Randers, Meadows D.L., 2004, p. 12].

Не отрицая важности такой эволюции самоидентификации, хотелось бы отметить, что наши действия в отношении окружающей среды часто имеют непредсказуемый результат. Связано это не только с нежеланием отнестись «к себе и другим как частичкам единой глобальной системы», но и с тем, что мы порой не полностью понимаем суть происходящих процессов, а изменяющаяся окружающая среда часто реагирует на наши действия самым неожиданным образом.

Вместе с тем непредсказуемая реакция биосферы на определенные действия людей, в том числе, как нам кажется, направленные на создание гармоничных отношений с ней, – вовсе не причина для бездействия. Однако это повод задуматься об осторожности, о необходимости дальнейших исследований в области взаимодействия человека и окружающей среды, о совершенствовании механизмов принятия решений, развитии общественной экспертизы и т.п. Решение этих задач представляется особенно значимым в век развития нанотехнологий, биотехнологий, компьютерных технологий, которые способны создавать и выпускать в окружающую среду самовоспроизводящиеся продукты.

Готовя данный номер, мы, естественно, не ожидали, что его выход в свет позволит кардинальным образом изменить отношение рядовых граждан, общественных деятелей и политических элит к анализируемым в нем проблемам, описанное в свое время одним из деятелей Римского клуба А. Печчеи: «...наши упорные скитания по свету не привели, по сути дела, ни к каким осязаемым результатам – как будто бы глобальные проблемы, к которым мы стремились привлечь всеобщее внимание, касались вовсе не нашей, а какой-то иной, далекой планеты. Создавалось впечатление, что большинство людей, которых мы встречали в наших странствиях, готовы были всячески приветствовать создание Римского клуба – при условии, однако, что он никоим образом не будет вмешиваться в их повседневные дела и не посягнет на их интересы... Короче говоря, наши слова нашли не больше отклика, чем проповеди папы римского, увещевания Генерального секретаря ООН У. Тана или, скажем, предостережения обеспокоенных ученых и мыслителей. Создавалось впечатление, что их

забывали еще до того, как слышали...» [Печчеи, 1985, с. 127]. Однако мы надеемся, что обсуждение эколого-политологической тематики на страницах нашего журнала будет способствовать активизации научной дискуссии по вопросам экологической политики, а также саморефлексии политической науки в целом и ее субдисциплины – экополитологии.

Хочется верить, что отдельные аналитические и популяризаторские усилия когда-нибудь позволят совершить качественный скачок и в плане профессионализма экополитологов, их участия в разработке политических решений, и в сознании политиков и рядовых граждан, которые в один прекрасный день поймут необходимость руководствоваться правилом, сформулированным А. де Сент-Экзюпери: «Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету».

Е.Ю. Мелешикина

ЛИТЕРАТУРА

Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. Limits to growth: The 30-year update. – White River: Chelsea Green, 2004. – 338 p.

Печчеи А. Человеческие качества. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.

РАЗДЕЛ I. СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОПОЛИТОЛОГИИ

ЭКОПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Е.И. ГЛУШЕНКОВА

В настоящее время отношения в системе «природа – общество» почти повсеместно оцениваются как глобальный экологический кризис, острота которого обусловлена противоречием между безграничными возможностями человеческой преобразовательной деятельности и ограниченными возможностями биосферы в ресурсном обеспечении этой деятельности. Но, думается, более точной будет трактовка экологического кризиса как кризиса адаптации, суть которого заключается в том, что власть человека над окружающей средой увеличилась настолько, что видоизменяет одновременно и человеческое общество, и среду его обитания, образуя де-факто их союз, а сам человек и общественные институты оказались не способны адаптироваться к такому состоянию и социальным феноменам, им порожденным. Следовательно, причины экологического кризиса нужно искать не в природе, даже не в системе «природа – общество», а внутри самого общества и выход – в социальных и политических преобразованиях нынешнего *Общества риска*.

Беспрецедентным ростом рискованных характеристик развития мы обязаны глобализации. Глобализация, описываемая теориями самоорганизации, сопровождается одновременно расширением и углублением социальных связей и институтов в пространстве и во времени; на повседневную жизнь людей все большее влияние оказывают процессы, происходящие в других уголках Земли, а действия отдельных политических акторов, в том числе местных сообществ, могут иметь глобальные последствия. Мир становится целостным и усложняется в условиях происходящих в нем нелинейных процессов. Утверждение, что глобализация ведет к подчинению суверенитета национальных государств властным возможностям определенных транснациональных акторов, неточно, так как субъектом глобализации выступает все человечество, а чей-либо контроль над ней представляется как раз проблематичным. Напротив, она порождает глобальную хаотическую конкуренцию социально-экономических и социокультурных моделей. Формируется единое мировое пространство, планета образует закрытую политическую и экономическую системы, подчиненные законам индустриально-рыночной цивилизации, с измеряемой масштабами Земли техносферой, заменяющей нам естественную среду. Антропогенные нагрузки на нее превышают все допустимые пределы, и она начинает деградировать вплоть до полной непригодности к проживанию. Наступает глобальный экологический кризис.

Но, как говорили древние, из того же корня, из которого произрастает проблема, растет и средство спасения. Феномен экологической политики не был знаком ни античности, ни Средневековью, ни Новому времени. Он возникает в XX в. в позднеиндустриальном обществе в ходе эволюции мира *политического* на фоне глобальных кризисных явлений. Новые социоприродные закономерности в *Эру риска* начали отражаться политическим сознанием и, воспринятые политическим процессом, стали предметом политического анализа. Свою роль сыграли новый характер и роль науки, научного знания и ученых, но ключевой стала общественная необходимость дать ответ на пресловутый «кризис властей» [Тоф-

флер, Морин, 1994], за которым – потеря возможностей человека к адаптации. Изменилась господствующая в общественном и научном сознании картина мира, трансформировалось научное сознание, и в системе общественных наук возникли новые направления.

Экополитология – дисциплина, изучающая принятие эколого-политических решений

Экополитология (англ. «*environmental politics*») – молодая плюралистическая политическая дисциплина со своим категориальным аппаратом и четко очерченным предметным полем. Она представляет собой комплексное направление политических исследований, изучающее структурно сложный характер экологической политики во взаимодействии с другими элементами политического процесса, разными политическими игроками, различными сферами политической жизни.

Ее зарождение во второй половине 60-х – начале 70-х годов XX в. сопровождалось такими глобальными политическими процессами, как расцвет новых социальных движений и борьба активистов гражданского общества за включение экологической проблематики в политическую повестку дня. Новые социальные движения, прежде всего антивоенные, экологические, а также правозащитные, женские и ряд других, серьезно изменили политический ландшафт многих развитых стран, где решение экологических проблем стало полноправной частью политики с начала 1970-х годов. Борьба экологического движения за новую политическую повестку дня обернулась успехом, и это стало началом прорыва к новым политическим практикам, к новой концепции политики. Так что экополитология – не результат кабинетных размышлений, а отображение реально происходящих социальных и политических процессов. И хотя сама политология оказалась, мягко говоря, не вполне готова к анализу новых феноменов, экополитология дала возможность обществоведам сделать обобщения, расширяющие рамки политической науки как дисциплины, сохраняя при этом ее классическое концептуальное ядро.

Экополитология изучает весь спектр политических решений в области окружающей среды и ее охраны, управления природопользованием, а также методы их анализа. В ее рамках, в частности, рассматриваются: государственная политика и управление окружающей средой и природопользованием, политика в области охраны природной среды и соответствующие практики хозяйствующих субъектов (особенно крупных), а также экологическая политика партий, движений, других игроков на политической арене, агентов гражданского общества, глобальные и международные проблемы, связанные с указанной деятельностью, и др.

Принятие политических решений – это технологическое преобразование политической власти в управление общественными процессами в ходе рационализации выбора политических целей в сложной ситуации. Экополитология смотрит на принятие решений как на процесс выбора политических целей и направлений деятельности в специфической ситуации глобального экологического кризиса, в условиях нарастающей экологической опасности. Рассмотренные сквозь призму идеи адаптации человечества к глобальному кризису, осуществляемой через принятие решений, они могут быть названы не просто политическими, а эколого-политическими. Изучаемое экополитологией политическое решение в сфере природоохранного регулирования, природопользования и, шире, в области окружающей среды мы будем далее называть *эколого-политическим решением* [подробнее см.: Глушенкова, 2009; Глушенкова, 1995; Глушенкова, Костин, 2002].

Грань между политическим и неполитическим решением в экополитологии очень тонка; политическими на практике становятся все решения, оказывающие ощутимое воздействие на экосистемы. Чем сильнее экологический эффект, тем более выражена его политиче-

ская составляющая, тем выше его объективная значимость для выживания социума. Ведь что есть предмет политологии, как не анализ принятия общественно значимых, ориентированных на долгосрочную перспективу решений? Экополитология изучает экологически значимые решения, причем не обязательно они должны напрямую относиться к охране природной среды. Объект экополитологии – взаимодействие политической сферы общества с системой социоприродных отношений. Непосредственным предметом экополитологии являются теория и практика принятия политических решений, относящихся к окружающей среде и ее охране, а также решений по рациональному природопользованию, которые следует рассматривать в контексте адаптации современного общества, характеризуемого как *общество риска*, к кризисным явлениям.

В экополитологии можно выделить эколого-политическую теорию, т.е. теоретическую экополитологию, и прикладную экополитологию, состоящую из экоадминистрирования и собственно экологической политики, процесса принятия эколого-политических решений. Теоретическая экополитология предметно сближается с глобалистикой и посвящена концептуальным основам экополитики, теоретико-методологическим аспектам принятия политических решений в данной сфере. Она рассматривает политические ценности и цели, а прикладная в основном изучает средства и способы достижения этих целей. Экополитология, как и политология, подразделяется на сравнительную и региональную, на экополитологию международных отношений и т.д. Как междисциплинарная область, экополитология вобрала в себя достижения политологии, социологии, юриспруденции, экономической и экологической наук. Теоретической предпосылкой возникновения экополитологии стала идея междисциплинарного синтеза общественных и естественных наук, версией осуществления которой являются эколого-политические теории.

Существует несколько оснований отнесения экологической проблематики к политической науке. Согласно одному из них, управление окружающей средой происходит на уровне исполнительной власти. Следовательно, экополитология изучает политику государства в соответствующей сфере, и на первый план выходит политическое обоснование решений, принимаемых органами исполнительной власти относительно природной среды. Проблема осуществления адекватной, грамотной экологической политики является здесь центральной. Экополитология помещается тем самым в раздел прикладной политологии и, следовательно, состоит, по большей части, из публичной политики (*public policy*) и политического администрирования. С момента зарождения эколого-политологического направления исследований в рамках данного подхода появилось множество работ по анализу характера политической процедуры принятия решений, выработке политических механизмов и инструментов осуществления экологической политики и роли бюрократии, судов, элит, общественного мнения в этом процессе. Со стороны общественности выдвигались требования контроля действий технократов и бюрократов, так как именно их некомпетентное вмешательство ведет, как думали, к деградации среды. Исследователи в основном сконцентрировались на: 1) выработке путей минимизации той экологической цены, которой общество оплачивает политические приоритеты; 2) выработке стратегии, позволяющей реализовать в процессе принятия решений подлинный общественный интерес, состоящий в поддержании равновесия в системе «общество – окружающая среда».

Данный подход логичен, но в конечном счете стало ясно, что он слишком узок. Этого недостатка лишен другой подход, поместивший эколого-политическую проблематику в контекст не только деградации природной среды, но всего комплекса глобальных проблем и процессов, изучаемых глобалистикой. Экологический кризис – важнейшая составляющая мирового системного кризиса. Уяснить его центральное положение в ряду других кризисов можно, учитывая его природу как кризиса адаптации. Тогда предметом экополитологии должен стать поиск политического ответа на экологический вызов, путей перехода челове-

ства к новой экологически дружественной стадии развития. В этом случае включение экологической проблематики в политическую науку происходит через расширение ее границ вплоть до слияния политического и социального. В рамках этого подхода предметом политической науки предлагается сделать человека в единстве с себе подобными и другими формами жизни, а экополитология рассматривается его приверженцами если не как альтернатива политической науке, то, безусловно, как версия ее дальнейшего развития [см., напр.: Anderson, 1987].

Из-за различия фундаментальных теоретических оснований совместить эти два подхода невозможно. Причина – в разном понимании истоков экологического кризиса. В поисках его корней велик соблазн найти причины опасности не в антропогенной деятельности, а в самой природе, ее имманентной активности. В таком случае задача будет состоять в том, чтобы погасить эту активность через видоизменение среды обитания, но без нанесения ей непоправимого ущерба. Существование и функционирование техносферы как способа жизни и типа взаимодействия со средой под сомнение не ставится – ставится вопрос о характере и пределах ее распространения. Этот образ мышления, который склонны демонстрировать адепты первого подхода, называют *техноцентристским*. Целью экологической политики здесь становится решение ряда научных и технических задач.

Представители второго подхода не доверяют человеческому разуму, а в природе видят предпосылку, творческий источник, условие человеческой активности. Экологическая опасность, по их мнению, кроется не в природе, а именно в системах деятельности, в специфике их организации. Суть экологического вызова такова: усиливается не природное влияние на общество, а, наоборот, социум уже технически способен уничтожить биосферу. Однако цивилизация еще не приспособилась к этому новому для себя состоянию. Стратегия адаптации с этой точки зрения должна состоять не в форсированном создании искусственных сред, но в активном видоизменении социальных институтов. Новая, экологически дружественная стадия развития должна означать создание социальных структур, которые смогут сами мобильно перестраиваться в соответствии с импульсами окружающей среды (социальной и природной), а не будут «подгонять» среду «под себя». Такие воззрения называют *экоцентризмом*.

Несовместимость теоретических подходов экоцентризма и техноцентризма приводит к тому, что эти два направления, две экополитологии развиваются бок о бок, причудливо переплетаясь между собой.

Подводя итог, определим экополитологию как дисциплину, раскрывающую *общие особенности политического процесса в условиях экологического кризиса*, исследующую формы и средства адаптации к нему мира политического, методы и направления регулирования социэкологических взаимозависимостей в ходе этой адаптации [подробнее см.: Глушенкова, 2009].

В фокусе внимания экополитологии находится экологическая политика, хотя ее анализом данная дисциплина не ограничивается. Первостепенное значение имеет вопрос о смысле понятия экологической политики как политики охраны окружающей среды (*environmental policy*). Это не просто охрана природы (*protection of nature*), которая существует с глубокой древности, а с определенного момента приобретает характер целенаправленной деятельности государства. Экологическая политика в современном понимании этого слова возникает во второй половине 1960-х годов, ее систематическое осуществление начинается с включения экологической проблематики в политическую повестку дня современных национальных государств. Главные ее предпосылки – не только экологический кризис как таковой, но и озабоченность людей этим кризисом и его отдельными проявлениями, подлинными и мнимыми. Одно из свидетельств успеха гражданского общества в отстаивании на политическом уровне экологических интересов – возникновение экологического права как самостоя-

тельной отрасли правового регулирования. Экологические права граждан вошли в перечень гарантированных государством прав.

Традиция экополитики в корне отличается от традиции охраны природы, так как она не исчерпывается *консервационизмом*. Так называемое консервационистское (охранительное, от англ. «conserve» – сохранять) понимание экологической проблемы заключается в том, что природа, ее ресурсы рассматриваются как объект сохранения для будущих поколений. Консервационизм исходит из того, что ресурсы надо тратить, но беречь. Экологическая политика, не отрицая этой задачи, ставит проблему совсем иначе, подчеркивая необходимость сбережения, сохранения природы в первозданном виде. Главной ценностью экополитики становятся человек (в глобальном масштабе – человечество как биологический вид) и защита его права на благоприятную среду обитания. Консервационизм «нацелен» на защиту интересов производства и в конечном счете на выживание данной экономической, политической системы. Возможно, консервационизм реализует в том числе и задачу экологически безопасного бытия, только понимание экологической проблемы он переводит в плоскость экономических, ресурсных и прочих аспектов хозяйствования.

В центре экополитики – право на чистую, безопасную среду обитания, понимаемую как неотъемлемое, неотторгаемое право на жизнь, здоровье и благополучие каждого человека, живущего на Земле, – право, зафиксированное в основополагающих международных документах. Объектами и субъектами экологической политики являются гражданин и народ, их выживание, тогда как в случае охраны природы ключевую роль играет государство. Как субъект охраны, современное государство, естественно, осуществляет природоохранную деятельность, но необязательно – экополитику. Для ряда стран, в том числе для России, остро стоит проблема подмены экологической политики охраной природы. Соответственно, в этих странах актуальной задачей является переход от природоохранной деятельности к экологической политике в подлинном смысле этого слова.

Чем это вызвано? В основе каждого политического действия лежит противоборство самых разнообразных интересов. Если мы имеем в виду политическое действие в экологическом контексте, то подразумеваем, что все заинтересованы в предотвращении экологической катастрофы. Однако эколого-политическое действие часто наталкивается на противоречие между заинтересованностью одних социальных групп в охране природы и частными выгодами производителей и потребителей.

Мировая политическая динамика отображает сегодня противоборство игроков, выступающих в интересах индустриальных политических элит, и акторов, не входящих в эти элиты и выступающих за перемены в системе общественных отношений. Бизнес, государственная и международные бюрократии в большинстве своем олицетворяют первую группу сил, а значительная часть неправительственных организаций (НПО) и глобального гражданского общества представляет интересы второй. Принимающие основную массу решений по экологическим вопросам бюрократия и бизнес, таким образом, и являются собой *элитой индустриального общества*, интересы которой имеют краткосрочный горизонт, что противоречит долгосрочным природоохранным нуждам. Сложность каждодневного осуществления экологической политики состоит, таким образом, в том, что индустриальные элиты в экологических переменах не особо заинтересованы. Однако в реальности государство везде занимает неодинаковые позиции по вопросам экополитики. Это зависит от господствующих в данном социуме отношений в системе «государство – гражданское общество» и, прежде всего, в степени контроля индустриальными элитами рычагов власти, характера и масштабов распространения гражданского участия.

Политические решения могут быть продиктованы разными группами интересов и приниматься в различных обстоятельствах. Речь может идти как о решениях во имя интересов общества в целом, так и об институциональных решениях, принимаемых в корпоративных

интересах, в частности в результате лоббистских усилий. В современном обществе преобладают решения, источник которых – корпоративный интерес или лоббистская деятельность. Процесс принятия решений национальной значимости в условиях представительной демократии, наоборот, затруднен до тех пор, пока не появляется группа интересов, которая берется представлять соответствующий вопрос на политической арене. Именно к этой категории относятся эколого-политические решения, так как вызвавшие их лоббировать силы имеют собственные цели и интересы, которые не только не совпадают, но, скорее всего, существенно расходятся с «национальным интересом». Реализация указанной группы решений в любом случае затруднена, особенно, если в обществе нет механизмов выявления и артикуляции соответствующих интересов [Глушенкова, 2003; Глушенкова, 2005].

Как правило, в процессе принятия эколого-политических решений разворачивается экологический политический конфликт. В экологической политике такого рода конфликты, особенностью которых является столкновение разнонаправленных интересов и стоящих за ними сил, широко распространены. Абсолютное большинство принимаемых эколого-политических решений отражают противостояние основных сторон экополитического процесса – экологически недружественного *бизнеса* (поллютанта, загрязнителя, виновника обострения экологических проблем) и страдающего (актуально или потенциально) от его действий *населения, рядовых граждан*. При этом обе стороны конфликта представляют в широком смысле гражданское общество. Огромную роль здесь играет то, какую позицию занимает, на чью сторону встает государство [Responding to environmental conflicts, 2002].

На практике экологическая политика – это политическая деятельность, направленная в основном на снижение риска необратимых и долгосрочных негативных экологических последствий хозяйственной деятельности. Вопрос об *эффективности экологической политики* нужно рассматривать именно в контексте управления рисками. Эффективный процесс принятия решений имеет место тогда, когда наиболее желаемая цель достигается наименьшими затратами экономического, политического и иного капитала. Разумеется, описание политического процесса как процесса сугубо рационального является идеальной схемой, – и в действительности дело не всегда обстоит таким образом. В нашем случае критерий эффективности будет зависеть от того, рассматриваем ли мы экологическую политику как рутинную политическую активность или оцениваем ее в контексте экологической эффективности, снижения экологического риска и соответствия принципам *устойчивого развития*, теория которого представляет собой рамочную концепцию современной экологической политики.

Экополитика, эффективная как политика традиционная, может быть неэффективной с точки зрения второго из названных критериев. Экологическая политика является действенной в полной мере тогда, когда процесс принятия решений в области охраны окружающей среды осуществляется в соответствии с общими принципами политической эффективности и в то же время обеспечивает решение экологических задач. Но часто бывает, что приходится выбирать либо одно, либо другое. Кроме того, экологическим критериям соответствует определенный набор применяемых ресурсов, что усложняет задачу, стоящую перед лицом, принимающим политическое решение. Некоторые типы политических решений в области охраны окружающей среды имеют столь высокую «экологическую цену», что торг о затратах денежного и иного капитала, в других случаях более чем естественный, здесь, по крайней мере на концептуальном уровне, представляется неуместным. Но в реальности, как правило, это происходит.

Ответственность за экологическую сторону принимаемого решения лежит в основном на экспертах. Особая роль экспертной оценки является отличительной особенностью экологической политики, которая базируется на системе научных представлений об окружающей среде. При принятии решений необходимо учитывать «экологическую цену», т.е. те долгосрочные последствия, к которым приведет решение. Выявить их помогает эксперт,

устанавливающий научно обоснованные рамки принятия данного решения. На начальном этапе процесса роль эксперта весьма велика и порой предопределяет экологически дружественное решение. Эксперт, готовый принять «сторону природы», может повлиять на мнение и взгляды чиновника. Но доминирование эксперта на всем протяжении процесса принятия решений ставит под вопрос эффективность соответствующих решений. Предназначение эксперта – оценить неизбежный экологический риск. Однако экспертная оценка не может быть абсолютно достоверной, риск и неопределенность присутствуют всегда, и этим могут воспользоваться и сам эксперт, и лица, принимающие решения (ЛПР), склонные манипулировать как экспертом, так и его оценками.

Присутствие этической составляющей является еще одной важной особенностью экологической политики. В конечном счете эта составляющая, будучи соотнесена с контекстом экологических ценностей, способствует повышению эффективности экополитических решений.

Если следовать классификации Уильямса – Мэтни [Williams, Matheny, 1995], экополитику можно подразделить на *управленческую*, *плюралистическую* и *коллективную*. В первом случае ЛПР концентрируются на технических аспектах принятия решения, так сказать, на технологии процесса. Здесь ключевая роль принадлежит именно экспертам. Плюралистическая концепция означает, что в принятии решений участвуют не одни эксперты и игроки со стороны государства, но – широкий круг участников, в том числе представители гражданского общества. Здесь «техника принятия решения» отходит на второй план, а на первый выходит активность различных «зеленых» неправительственных организаций (экоНПО). В третьем случае речь идет о практике, когда имеет место коллективное участие в принятии требуемого решения. Наиболее демократичной провозглашается передача государством полномочий в принятии определенных решений группе граждан, которых эти решения затронут в первую очередь¹. В реальной экополитике присутствуют в разных сочетаниях все три вышеупомянутые разновидности.

На метод экополитологии наложили отпечаток так называемые постнеклассические теории, содержащие закономерности функционирования открытых саморазвивающихся систем, и неклассическая картина мира, несовместимая с картезианской и ньютоновской системами. Именно этим продиктовано обращение экополитологов к теории систем Л. фон Бергаланфи: окружающая природная среда, наряду с социальной, является средой политической организации-системы; понимание этого фундаментального факта позволяет поставить вопрос о корреляции между взаимодействием, скажем, системы-государства и природной среды, и особенностями поведения государства в системе всех окружающих его сред [Харелл, 2002; Костин, 2005].

В принципе поведение системы-государства может быть каким угодно. Экополитология не имеет нормативистской направленности. Хотя в основе рамочной концепции экологической политики – теории устойчивого развития – лежат некие «экологические аксиомы», экополитология сама по себе – не отдельная теория, она не базируется на неких принципах, не требующих доказательств, а изучает актуальное политическое измерение социоприродных взаимозависимостей. Идеальные модели важны для экополитического анализа, но предметом анализа являются политическая реальность, конкретные направления деятельности и политические решения, а не изначально заданные нормативные предписания. Политика может иметь и ярко выраженный антиэкологический характер. Исследуя политические причины происходящего, экополитолог предлагает политические же способы преодоления экологического кризиса.

---

¹ Это может быть, скажем, компактно проживающая рядом с неким проектируемым объектом группа граждан.

Говоря об *эволюции экополитологии*, заметим, что ее зарождение происходило в одно время с глобалистикой. Более того, у обоих направлений были во многом общие корни, но экополитология быстро выделилась в отдельную дисциплину. Используя примерно один и тот же багаж современной науки (в том числе теорию систем, синергетический подход, футурологию и др.), эти направления демонстрируют тенденцию к интеграции классического и постнеклассического научного знания.

Первый этап (конец 1960-х – начало 1970-х годов) – этап формирования экополитологии – совпал с началом систематической охраны окружающей среды, а также освоения космоса; в это время были заложены методологические и научно-теоретические основания исследования глобальных проблем, в том числе экологических; экологическая проблематика прочно вошла в политическую повестку дня.

Второй этап (1970-е годы) – определение предметной области экополитологии и основных направлений исследований в ее рамках; экополитология окончательно «расходится» с глобалистикой, но возникает острая нужда в объединяющей, рамочной теории экологической политики.

Третий этап эволюции пришелся на 1980-е годы, когда в известной степени снизилось внимание к общетеоретическим проблемам, а на первый план вышли практические аспекты эколого-политического анализа. В эти годы окончательно формируется прикладная экополитология, направленная на изучение процессов и механизмов принятия эколого-политических решений. Концепция устойчивого развития (УР) постепенно приобретает для экополитологии парадигмальное значение.

Четвертый этап (конец 1980-х – начало 1990-х годов) совпал с радикальными переменами в геополитической структуре мира и обретением им современного облика. Остро встали проблемы глобальной безопасности, что сказалось и на дальнейшем развитии экополитологии. Завершается этот этап событием всемирного значения – Всемирной конференцией ООН по окружающей среде и развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро (1992), где была выдвинута глобальная стратегия долгосрочного развития, основанная на концепции экологической устойчивости, поставившая перед человечеством задачу консолидации на пути преодоления глобального экологического кризиса. УР выступает в качестве концептуальных рамок экополитологии. Ее концептуальный синтез теперь завершен.

С 1992 г. начался *нынешний, современный этап* эволюции дисциплины. Для него характерна концентрация исследователей на анализе национальных экологических политик, в то время как анализ глобальных, общечеловеческих проблем отошел на вторые роли. В центре внимания оказались проблемы практической политической реализации концепции УР на национальном уровне и осуществления необходимых для этого реформ. На данном этапе экополитология в качестве отрасли политической науки отражает последствия не только экологического кризиса, но всего комплекса глобальных изменений.

Устойчивое развитие как концептуальные рамки экополитологии

Ранний период развития экополитологии отличался алармизмом (англ. *alarm*, тревога) на фоне отсутствия единой системы политических понятий, какой-либо общей платформы политического действия, общего языка, который разделяли бы ученые и активисты. Настало время практической экологической политики, но на первоначальном этапе она не могла быть результативной. Приоритетными были критерии политической эффективности принимаемых решений, тогда как собственно экологические критерии, в тот момент не имевшие внятных научных оснований, неизбежно оказывались на втором плане [подробнее см.: Охрана природы России, 2003].

Едва ли не первой попыткой разработать научно обоснованные принципы экологической эффективности стало осмысление экологической проблематики в контексте глобалистики. Глобалистский дискурс сам по себе не стал, не мог стать центральным эколого-политическим дискурсом, но он способствовал широкому признанию идей биосферного равновесия и несущей способности экосистем, которым в трансформированном, переработанном виде суждено было лечь в основу концепции УР. Последняя, в свою очередь, достаточно быстро обрела статус рамочной концепции экологической политики. Ее появление поставило процесс принятия эколого-политических решений на твердую почву экологической эффективности, которую уже можно было количественно измерить.

Происхождение понятия «устойчивое развитие» (*sustainable development*) связывают с работой американского политолога У. Офулса «Экология и политика дефицита», вышедшей в свет в 1977 г. [Ophuls, 1977]. Комментируя теорию устойчивого (*steady*, а не *sustainable!*)² общества экономиста Г. Дэйли, он употребил, отчасти как синоним, прилагательное «устойчивый» (*sustainable*) со словом «общество», и лишь затем его стали использовать в более привычном для нас словосочетании. С 1980 г. оно встречается в международных документах, первым из которых был доклад Международного союза охраны природы (World Conservation Union) «Всемирная стратегия охраны природы», подготовленный для ООН. В тот момент теория еще не имела внятного и общепризнанного концептуального наполнения. Но уже к моменту завершения работы Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию под руководством Г.Х. Брундтланд в 1987 г. теория в основном сформировалась. Последним концептуальным штрихом к ней стал синтез теорий биосферного равновесия и основных («базовых») потребностей, что произошло в начале 1980-х годов. В докладе Комиссии Брундтланд прозвучало определение УР, которое является наиболее цитируемым: «Устойчивое развитие – это развитие, которое удовлетворяет потребности нынешних [поколений], не подвергая риску способность будущих поколений удовлетворять [аналогичные] потребности» [Брундтланд, 1989]³. Доклад Комиссии Брундтланд сделал понятие «устойчивое развитие» достоянием широкой общественности. Нарботки Комиссии легли в основу документов, принятых на Всемирной конференции на высшем уровне по окружающей среде и развитию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Она приняла УР как интегрированный социальный, экономический и экологический показатель развития человеческого общества. В этом же духе выдержана Декларация тысячелетия, одобренная 8 сентября 2000 г. главами государств – членов ООН, а на Всемирной конференции по устойчивому развитию в Йоганнесбурге 2002 г. ее участники договорились о серии конкретных обязательств и действий, причем принятый План выполнения решений по УР на 2002–2012 гг. нацелен на преодоление диспропорций в развитии, хотя для беднейших стран пока лишь сформулирована общая цель борьбы с бедностью. С 1992 г. концепция УР – неотъемлемая часть международной политической повестки дня; она становится и национальной стратегией в той мере, в какой то или иное государство готово привести собственную экологическую политику в соответствие с ней. Процесс принятия национальных стратегий УР развернулся в мире в 1990-е годы; вместе с тем интерес к идее УР, вызванный в свое время «докладом Брундтланд», начал постепенно ослабевать⁴.

Немецкий исследователь Г. Бехманн в конце 1990-х годов насчитал более 70 определений УР, а ведь он еще не был знаком с российскими разработками в этой области. Мно-

² Английское словосочетание *sustainable development* некорректно переведено у нас как «устойчивое развитие»; смысл термина – это не «искусственно поддерживаемое», а, напротив, сдерживаемое, «придерживаемое» развитие, причем в качестве источника устойчивости и сбалансированности подразумевается скорее не внешнее усилие, а сама развивающаяся система (англ. суффикс <sustain>-able говорит нам об этом).

³ В данном случае приведен авторский перевод соответствующего фрагмента английского текста доклада.

⁴ О генезисе и эволюции теории УР подробнее см.: [Глушенкова, 2001].

гообразии дефиниций не означает необходимости в новом концептуальном синтезе. Дело в том, что УР представляет собой мегатеорию, мегадискурс, который едва ли не каждый ученый склонен, скажем так, «дополнять» результатами своих собственных интеллектуальных изысков.

В целом УР представляет собой нормативистскую теорию, предполагающую регулирование условий жизни на основе четырех принципов. Первый из них – это удовлетворение базовых потребностей всех ныне живущих людей. Второй принцип предусматривает равные стандарты для всего населения планеты. Третий – *бережное, осторожное* (экологически устойчивое, *sustainable*) использование природных ресурсов. Смысл четвертого заключается в сохранении возможности для будущих поколений реализовать те же запросы в рамках тех же стандартов, что и ныне живущее поколение. Все названные принципы, каждый из которых стал частью концепции в разное время, равноценны, но центральным считается третий, в основе которого лежит идея ограниченности воспроизводственного потенциала экосистем Земли, наличие предела в способности природных комплексов нести хозяйственные нагрузки. Речь идет о концепте *carrying capacity*, несущей способности (природной емкости) экосистем, который относится к предмету теории биосферного равновесия. Существует предел нарушения человеком целостности экосистемы. Переступить его нельзя, так как по мере накопления возмущений, поступающих из внешней, окружающей ее среды, и действия внутренних дестабилизирующих ответных факторов экосистема постепенно утрачивает возможность компенсировать понесенные потери, перестает сохранять свои коренные свойства – и наконец гибнет. Задачу УР можно сформулировать как развитие, возвращающее планету в границы воспроизводственного потенциала ее биосферы и составляющих ее экосистем.

Из этого вытекает пятый принцип УР, находящий непосредственное воплощение в экополитике. Наше знание об окружающей среде, ее изменениях всегда неполно, мы не можем предвидеть все последствия наших действий. С другой стороны, современная наука способна произвести вполне достоверные расчеты природной емкости экосистемы. При принятии решений нужно следовать *принципу предосторожности (precautionary principle)*. Его суть – в соблюдении правила: принятие политических и хозяйственных решений не должно вести к необратимой деградации окружающей среды. При дефиците информации о потенциальных экологических эффектах решение должно учитывать недостаток знания таким образом, чтобы при всех мыслимых сегодня сценариях не допускать *необратимых последствий для окружающей среды*. Ограниченность нашего знания о реакции среды на вмешательство человека принимается в расчет с помощью механизмов моделирования и прогнозирования, так что на случай наихудшего сценария оставляется некий резерв экологической надежности. Объемы этого резерва должны устанавливаться на основе расчета несущей способности, природной емкости данной экосистемы или одной из ее подсистем.

Таковы общие контуры теории УР, но между ее интерпретациями существуют серьезные расхождения.

Охранительная трактовка УР отражает стремление сохранить нынешнюю модель экономического развития. Экономический рост признается необходимым, поскольку он создает предпосылки для природоохранной политики, так как способствует ликвидации нищеты, которая объявляется основной причиной экологического кризиса. Рост экономики, указывают сторонники данной версии УР, стимулирует технический прогресс, необходимый для замены ограниченных естественных ресурсов неограниченными искусственными. В серьезных социальных реформах нет необходимости, нужно строго следовать рыночным нормам хозяйствования и освободить силы рынка от пут государственного регулирования, что вместе с научными достижениями станет залогом успеха в борьбе с экологическим кризисом. УР здесь фактически выступает как новое издание старой модели развития, целью

которой является социально-экономический прогресс. Обращает внимание концептуальное сходство данной трактовки УР, безоговорочно техноцентристской, и консервационизма.

УР в версии *экологической модернизации* – это трансформация социальных систем и институтов в соответствии с экологическими требованиями без радикальной перестройки общества, своеобразная «модернизация современности». Ущерб окружающей среде наносит ее сверхэксплуатация, вызываемая неопределенностью прав собственности и возможностью злоупотреблений со стороны частного сектора. Но приверженцы данного подхода отвергают и «коллективную собственность» на ресурсы. В отличие от сторонников сохранения нынешней модели экономического развития, они выступают за усиление роли государства, за развитие под его руководством экологической отрасли в национальных экономиках. Экономический рост нужен в постиндустриальных сегментах – отраслях *hi-tech*, производственной сфере и, конечно же, в природоохранном секторе. Приветствуются структурные изменения в энерго- и ресурсоемкой индустрии, «зеленый бизнес». Данный подход можно охарактеризовать как сбалансированную, взвешенную позицию в отношении преодоления экологического кризиса.

Третий вариант интерпретации УР – *структурная экологизация*. По мнению ее теоретиков, причины кризиса – и в нынешней модели экономики, и в экономическом росте. Новые технологии, государственное экологическое регулирование, экологическая активность бизнеса лишь отдалают катастрофу, которая неизбежна, поскольку пагубен сам вектор индустриального развития. Главный источник зла – общество потребления. Необходимо преодоление господствующей системы ценностей и переход к моделям производства и потребления, базирующимся на постматериалистических ценностях. Для этого необходимы политическая реформа, развитие институтов народовластия и «демократии участия», причем государство не играет здесь определяющей роли. В любом случае должно произойти ограничение потребления (добровольное, конечно, т.е. самоограничение) в индустриально развитых странах. Сторонники данного подхода обращают пристальное внимание на социальные и международные аспекты развития, включая преодоление глобального неравенства. Версия структурной экологизации имеет нормативный характер. Ее отличают эгоцентризм и радикализм.

Автор данной классификации, немецкий ученый Г. Бехманн, выделяет еще один подход к УР, *антимодернизм* – самый радикальный, внесистемный подход, который в современном обществе отстаивают, в том числе, некоторые антиглобалисты. Его принципиальное отличие состоит в том, что он полностью отбрасывает любые аспекты модернизационной парадигмы и уходит в полный отрыв от существующей политической и экономической реальности, выступая, по сути, предельно радикальной версией эгоцентризма. Идеологическим обоснованием данного подхода служит философское направление «глубинная экология» (А. Нисс и др.). Его адептов отличает отсутствие единства в трактовке обстоятельств и направлений политических реформ в русле УР, политического облика самого устойчивого общества, а позиции варьируются от авторитарных моделей, с перегруженным экорегуляторными функциями государством, до эгоанархизма. Помимо свойственных постмодерну эклектичности, отсутствия концептуальной завершенности, этот подход явно содержит признаки утопизма [Бехманн, 2003]. Кроме того, в России пользуются популярностью представления о ноосфере как «модели» УР – подход, остро нуждающийся в концептуальном синтезе; здесь согласимся с Д.В. Ефременко, отмечая, что, «несмотря на грандиозный масштаб учения Вернадского о биосфере, “ноосферный” дискурс до сих пор продолжает оставаться региональным», отечественным, «для внутреннего» пользования [Ефременко, 2006, с. 145].

Концепция УР дала экополитологии экологическое смысловое ядро, в котором она так нуждалась. На разных этапах развития парадигмы УР каждая из «двух экополитологий» вно-

сила в нее свой вклад. Две версии УР из перечисленных выше могут быть описаны в понятиях экоцентризма. Однако с точки зрения концептуальных рамок экоцентристский подход к экополитологии не полностью адекватен УР в нынешнем виде, хотя изначально, на так называемом неклассическом этапе эволюции теории (до 1987 г.), все было наоборот. Экоцентризм и разрабатываемые в его русле неклассические трактовки УР подразумевают сосуществование общества и природы не как видоизменение окружающей природной среды системой «под себя», а как перестройку общественной системы, ее самоадаптацию. Определение, концептуально объединяющее УР, экоцентристский и техноцентристский подходы, может звучать так: УР – это осуществляемый в основном за счет внутренних резервов способ жизнедеятельности социальных систем, в основе которого – *способность к автоматической самокорректировке* в целях бессрочного выживания человечества как социального организма, человека как биологического вида и данной нации в непрерывно меняющейся окружающей среде [подробнее см.: Глушенкова, 2004]. В этом – суть интегральной модели устойчивого развития человеческой цивилизации.

Экополитология – новейшая политическая дисциплина, междисциплинарное направление в системе политических наук. Многое из того, что она изучает, – не типичные политические практики, а практики и образы политического действия, которые пока являются маргинальными, нестандартными формами политического поведения. Ими мы обязаны постиндустриальным изменениям в политике. Наряду с практиками для экополитологии очень важен анализ замыслов тех политических реформ, которые должны ориентировать социальные трансформации в направлении, ведущем к выходу из экологического кризиса.

Экополитология – не наука о социальных аспектах природоведения. Англоязычный термин *environmental politics*, русским аналогом которого является «экополитология», отсылает нас к «политическим теориям окружающей среды», т.е. не природной среды, а среды вообще. Равным образом экополитология не дает политической интерпретации «законов природы», а экологические ценности вовсе не имманентны концептуальным основаниям политического анализа. Ее «экологизм» заключается не в том, что в общественную, политическую жизнь (или теорию) привносятся некие «экологические» принципы, а в том, что она рассматривает взаимоотношения индивидуумов и политических сообществ, в которые они организованы, с «нечеловеческими» условиями и событиями в окружающей их среде в ходе процесса взаимной адаптации.

И все же можно говорить о политических закономерностях в экополитологии. Характер общественной системы и специфика ее взаимодействия с окружающей средой тесно взаимосвязаны, и нельзя изменить второе, не реформировав первое. Это заключение – аксиома экополитологии, имеющая своим источником общую теорию систем, проникшую в нашу область знания на основании постулируемого ею принципа изоморфизма [Костин, 2005].

В эколого-политическом анализе мы выходим за рамки предметного поля, описанного традиционной, «классической» наукой. Экополитология изучает политическое пространство будущего, то, которое не только моделируется, но и творится нами сегодня. Политическая наука нового типа – дисциплина, уясняющая, что нужно для сохранения человечества, – не в этом ли заключается высшее предназначение экополитологии? Дисциплины, нацеленной на поиск облика грядущего мира, версии развития не только политической науки, но и обществознания в целом.

***

Современная экополитология ставит перед политологами ряд острых проблем. Как можно видеть из обзора подходов к УР, в ходе реализации стратегии перехода к устойчивому развитию вполне возможен сценарий нарушения прав человека. Как сохранить воспро-

изводственный потенциал планеты, не нарушая фундаментальных прав человека, улучшая качество его жизни? Скажем, весьма проблематичной является задача повышения уровня удовлетворения потребностей жителей стран Юга до уровня наиболее развитых государств. Если бедные страны в потребительской гонке за лидерами глобализации включатся в интенсивную эксплуатацию ресурсов планеты, нарушится баланс ее экосистем – и воспроизводственный потенциал планеты будет безвозвратно исчерпан. Велик соблазн трактовать УР с позиций техноцентризма, когда в центр внимания ставится достижение неких технических показателей развития, пусть даже в русле идей биосферного равновесия. Сохранить несущую способность Земли проще всего за счет человека, во всяком случае, с охранительной точки зрения (*business as usual*). С другой стороны, с учетом идеи базовых потребностей (равные возможности для всех) теорию УР следует рассматривать в контексте антропоцентризма. Борьба за конкретную модель реализации УР в той или иной стране – это борьба за будущее этой страны, в том числе и за будущее демократии.

У биосферы нет своих интересов, зато они есть у граждан. Как заставить людей из всех интересов, в том числе сиюминутных и краткосрочных, отдать предпочтение тем, которые будут способствовать принятию экологически взвешенных решений? Современная представительная демократия является далеко не идеальным механизмом выражения воли избирателей. Она не дает гарантий выбора оптимальных решений, поскольку сохраняется возможность манипулирования информацией, за которым будут стоять те или иные группы интересов.

Не менее важен и временной горизонт решений, принимаемых в процессе демократического волеизъявления. Демократия в лучшем случае может быть лишь властью ныне живущих людей. Но политическое измерение имеют и интересы будущих поколений – обеспечение бессрочного выживания человечества. Эти интересы отличны от интересов отдельных групп. В условиях современной демократии даже экологически образованные и наиболее активные граждане едва ли будут действовать в интересах еще не появившихся на свет людей, особенно если эти интересы противоречат их собственным. Однако именно это от них и требуется, когда речь идет о представительстве интересов еще не родившихся потомков в демократическом процессе принятия политических решений. Современные концепции демократии далеки от защиты прав тех, кто в принципе не способен осознать свои права (еще не рожденные дети, животные). Нельзя доказать права грядущих поколений на чистую среду и исходя из естественного права. Но вытекает ли из этого необходимость ограничения демократии, в том числе с использованием силового сценария? Для проникновения экопроблематики в политическую повестку дня потребовалось гражданское участие, в том числе, и за рамками формальных институтов. В условиях современной представительной демократии экологическая политика осуществляется не одними элитами, но и другими участниками политического процесса. Зеленые оправдывают само свое пребывание на политической арене борьбой за экологические реформы в политике и экономике, а вовлеченность экоНПО в политический процесс является необходимой предпосылкой эффективности экологической политики. «Демократия участия» здесь выступает рычагом перехода экологического управления под гражданский контроль. В этом контексте следует рассматривать и теорию делиберативной демократии. На смену традиционному либеральному видению общества как совокупности индивидуальных потребителей приходит осознание коллективной ответственности за состояние среды обитания. В рамках делиберативной модели политический процесс означает достижение консенсуса на основе диалога политических акторов. В случае экологической политики, ориентированной на учет плюрализма мнений и интересов, речь фактически идет о диалоге поллютанта и жертвы загрязнения, в котором также участвуют эксперты, активисты экологических движений и т.д. Именно такое взаимодействие обеспечивает максимальный результат и в плане эффективности реализа-

ции соответствующих решений, и в плане их легитимации. Сейчас на Западе доминирует такое восприятие проблемы эффективности, в соответствии с которым в полной мере эффективным является решение, не только соответствующее неким формальным техническим показателям, но прежде всего базирующееся на согласии заинтересованных сторон. При этом участие в процессе принятия решения неспециалистов, представляющих гражданское общество, должно предотвращать опасность захвата рычагов власти и управления представителями экспертной и политической элит, препятствовать усилению авторитарных, олигархических тенденций. Но здесь слишком многое зависит от эколога-активиста. Побудить гражданина подчинить свои интересы, в том числе краткосрочные, задаче принятия экологически взвешенных решений может только гражданское общество в целом и его передовой отряд, экоНПО. Но *субъектом* осуществления экологической политики и реформ, ориентированных на достижение целей устойчивого развития, является вся совокупность граждан, ныне живущих в данной стране, *гражданское общество в единстве его организованных и неорганизованных сегментов*. Именно они, как потенциальные родители, имеют право и способность выступать от лица будущих поколений. ЭкоНПО, часть гражданского общества, обладающая наиболее высокой степенью компетентности в этой области, должны участвовать в экологической политике, работать с населением, с общественностью, со СМИ, пропагандировать экологические идеалы. Однако сами они не имеют права монопольно представлять «природу» или «будущие поколения».

Необходимо осознавать, что этот путь таит в себе также опасность тоталитаризма (технототалитаризма) и технократической диктатуры как сценариев возможного политического будущего. С другой стороны, вряд ли современный человек, сформировавшийся в условиях общества потребления, готов жертвовать ростом комфорта *здесь и сейчас* ради будущего своих детей. Индустриально-рыночная цивилизация как таковая не обладает средствами преодоления экологического кризиса: «Экологический пессимизм связан главным образом с конечностью Земли... При этом забывается главное: пределы человека... Нам, людям, преодолеть их нельзя» [Кутырев, 1999, с. 23]. Пока идет формирование политики нового типа, т.е. политики, подчиненной критериям УР, поиск ответа на вопрос «как совместить сохранение экологического баланса Земли с удовлетворением растущих запросов человека» продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

Anderson W.T. To govern evolution: Further adventures of the political animal. – Boston: Harcourt Brace Jovanovich, 1987. – 376 p.

Ophuls W. Ecology and the politics of scarcity: Prologue to a political theory of the steady state. – San Francisco: W.H. Freeman, 1977. – xi, 303 p.

Responding to environmental conflicts: Implications for theory and practice / Petzold-Bradley E., Carius A., Vincze A. – Dordrecht; Boston; L.: Kluwer academic publisher, 2002. – 324 p.

Williams B.A., Matheny A.R., Democracy, dialogue and environmental disputes. – New Haven (CT): Yale univ. press, 1995. – 272 p.

Бехманн Г. Концепция устойчивого развития // Глобалистика: Международный энциклопедический словарь / Под ред. И.И. Мазура, А.Н. Чумакова – М.; СПб.; Нью-Йорк: Питер: Елима, 2006. – С. 916–918.

Брундтланд Г.Х. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. – М.: Прогресс, 1989. – 374 с.

Глушеникова Е.И. Генезис экополитологии: Зарубежный опыт // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. – М., 1995. – № 4 – С. 80–88.

Глушенкова Е.И. Политические аспекты модели устойчивого развития. – М.: ИМЭМО РАН, 2001. – 198 с.

Глушенкова Е.И. Сетевые международные организации экологического профиля: За кем будущее? // Международные процессы. – М., 2003. – № 3. – С. 78–84.

Глушенкова Е.И. Устойчивое развитие как концептуальная основа стратегии национальной безопасности России. – М.: ИМЭМО РАН, 2004. – 101 с.

Глушенкова Е.И. Международные неправительственные экологические организации и ТНК: Политическое противостояние на глобальном уровне // ТНК в мировой политике и мировой экономике: Проблемы, тенденции, перспективы. – М., 2005. – С. 99–104.

Глушенкова Е.И. Экополитология: Конспекты лекций. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2009. – 210 с.

Глушенкова Е.И., Костин А.И. Прикладная экополитология: Программа курса // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. – М., 2002. – № 3. – С. 113–133.

Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы: Возникновение и эволюция. – М.: ИНИОН, 2006. – 284 с.

Костин А.И. Экополитология и глобалистика. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 418 с.

Кутырев В.А. Разум против человека: (Философия выживания в эпоху постмодернизма). – М.: ЧеРо, 1999. – 230 с.

Охрана природы России: От Горбачева до Путина / Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. – М.: КМК, 2003. – 416 с.

Тоффлер А., Морин Э. Кризис властей: Беседа с футурологом А. Тоффлером и социологом Э. Морином // Сегодня. – М., 1994. – 6 января. – С. 11.

Харелл Э. Международная политическая теория и глобальная окружающая среда // Теория международных отношений на рубеже столетий. – М.: Гардарики, 2002. – 363 с.

ЭКОПОЛИТОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ

Д.В. ЕФРЕМЕНКО

Экополитология как проект

Несколько десятилетий назад проблематика взаимоотношений человека и природы необратимо вошла в сферу политической деятельности и политической мысли. Можно сказать и иначе: область политического существенно расширилась, охватив взаимодействие социальных и природных систем. Философская и этическая рефлексия отношений человека и природы, разумеется, и прежде имела политические коннотации. История административного контроля и регулирования природных ресурсов также насчитывает не одно столетие. Но только начиная с 1960-х годов появились основания рассматривать экологическую проблематику в качестве области политической деятельности, а не только объекта административного регулирования и одной из сфер межгосударственных отношений. Именно в это время разрозненные аспекты антропогенного воздействия на окружающую среду, ранее лишь отчасти находившиеся в поле институциональной деятельности, стали рассматриваться во взаимосвязи и в контексте политических проблем глобального развития. Логическим результатом этой перемены явилось зарождение новой субдисциплины политической науки – экополитологии.

Но что же входит в предметную область этой новой отрасли политического знания? В принципе экополитология должна изучать политические аспекты взаимодействия социальных и природных систем, политическое регулирование такого взаимодействия. Эта область включает в себя законодательные и международно-правовые аспекты экологической политики, институты и практики различных уровней – от локального до глобального, деятельность общественных экологических движений, партий зеленых, неправительственных организаций и других акторов экологической политики. Однако если говорить о том, что является ядром предметной области экополитологии, определяющим направление ее эволюции, то, на наш взгляд, речь должна идти в первую очередь о процессах социального взаимодействия, в ходе которых формируются основные подходы, идеи, дискурсы, актуализирующие политическую компоненту экологической проблематики. Социальная коммуникация экологических рисков, результатом которой становится их политизация, выступает важнейшим фактором, обуславливающим не только собственную динамику предметной области экополитологии, но и ее междисциплинарность, все большее количество пересечений с такими общепризнанными или находящимися в стадии становления дисциплинами, как международные отношения, глобалистика, мировая экономика, международное право, не говоря уже об экологических науках.

Рефлексия предметной области экополитологии зависит как от уровня развития этой субдисциплины, так и от состояния политических исследований в целом. По оценке Ю.С. Пивоварова, в СССР возрождение традиции политического знания почти три десятилетия (1960–1989) проходило в форме борьбы за «легализацию» политической науки в качестве обществоведческой дисциплины [Политическая наука в России, 1993, с. 6]. Достижение этой цели, а вскоре – быстрый экстенсивный рост количества кафедр и специалистов в области политологии, в значительной мере обусловленный деидеологизацией системы образо-

вания и общественных наук после распада СССР, создали специфическую ситуацию, когда в короткие сроки требовалось сократить отставание от того уровня, которого достигли политические исследования в странах Запада. Но решение задачи преодоления отставания происходило в условиях резкого сокращения государственного финансирования науки, необходимости выживания для многих вузов и исследовательских институтов. Последствия кризисного этапа развития современной российской политологии ощущаются до сих пор. Однако в целом можно говорить о выходе на новый уровень развития политической науки в нашей стране, открывающий дополнительные перспективы и возможности для отечественных исследователей.

Становление экополитологии в России, разумеется, отразило отмеченные выше особенности развития политической науки. Однако продолжающаяся до сих пор институционализация экополитологии оказалась в некотором смысле более органичной. Во всяком случае, она не была обусловлена необходимостью срочного перепрофилирования ранее существовавших научных и образовательных учреждений. Тем не менее при сопоставлении эколого-политических исследований в нашей стране и в странах Запада выявляется сильный контраст. В странах Запада постоянно растущее количество национальных и международных исследовательских институтов и программ, университетских кафедр, учебных курсов, публикаций, приоритетный характер поддержки со стороны финансирующих агентств и негосударственных фондов делают исследования экологической политики одним из наиболее динамично развивающихся направлений политологии. В России также можно говорить об интенсивном развитии экополитологии, но таковым оно является лишь в сопоставлении с почти нулевым уровнем начала 1990-х годов.

В советское время исследования, обращенные к проблематике, которую сегодня с теми или иными оговорками можно назвать эколого-политологической, по большей части служили целям идеологической борьбы. Правда, «критика буржуазных концепций» во многих случаях была способом донести до советского читателя те идеи, которые расходились с официальным марксизмом-ленинизмом. Публикация переводов ряда работ зарубежных исследователей также имела большое значение для развития экополитологии. Даже несмотря на то что некоторые из них издавались ограниченным тиражом с грифом «для служебного пользования» (как, например, «Пределы роста»), эти публикации стимулировали интерес к политическим аспектам экологического кризиса.

Важный импульс становлению экополитологии в нашей стране придали активизация общественных дискуссий о последствиях индустриально-технической деятельности (в особенности атомной энергетики), подъем природоохранного движения и его политизация, формирование институтов экологической политики. Однако применительно к периоду 1980-х годов еще нельзя говорить о выделении экополитологии среди других направлений изучения взаимодействия социальных и природных систем, а также экологического движения. Преобладали общегуманитарные, философские, социологические, экономические исследования.

Становление экополитологии в России пришлось на 1990-е годы, когда формирующаяся система экологического образования, получавшая наибольшую поддержку со стороны неправительственных организаций и фондов, остро нуждалась в разработке учебных программ, в которых экополитология должна была занять достойное место. Участие России в Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992) и дальнейшие шаги в сфере международной экологической дипломатии также явились факторами формирования спроса на эколого-политические исследования. В последнее время вопросы экологической безопасности все чаще рассматриваются в более широком контексте реагирования на новые комплексные вызовы стабильности социальных систем. В целом можно констатировать, что начальный этап становления экополитологии в России уже пройден, хотя

еще рано говорить о приближении к уровню соответствующих зарубежных исследований. Да и само позиционирование экополитологии в структуре политической науки еще нельзя назвать завершенным процессом.

С одной стороны, специфика предмета экополитологии создает вероятность того, что эта субдисциплина займет в структуре политической науки особую нишу, мимо которой будут благополучно проходить большинство политологов, для которых экологическая проблематика – сколь бы велико ни было ее значение само по себе – является в лучшем случае периферийной темой научных интересов. С другой стороны, именно предметная область обуславливает дальнейшее усиление междисциплинарности экополитологии. В этом контексте экополитология заслуживает внимания с точки зрения методологической рефлексии и науковедческого анализа политологии.

Однако, как представляется, вопрос о соотношении специфической предметной области экополитологии и традиционных проблем политической теории имеет общедисциплинарное значение. Здесь важно выявить принципиально новые моменты в постановке и интерпретации традиционных проблем политической науки, которые связаны не только с предметной спецификой экополитологии, но и с особенностями взаимодействия политических акторов в контексте угроз окружающей среде и социальному развитию. И в то же время необходимо понять, насколько значимой была политизация экологических рисков, в чем состояли ее причины, какие социальные институты и акторы сыграли в данном случае решающую роль, какие это имело последствия. Далее можно спорить о том, достаточно ли оснований говорить о появлении теоретической экополитологии [Костин, 2005, с. 154] или же все эти новации лишь придают дополнительный импульс развитию политической философии и исследованиям глобальных процессов. Следует также иметь в виду, что относительно высокая степень институционального развития экополитологии в странах Запада вовсе не означает, что окончательно «закрыты» вопросы о ее дисциплинарных границах и ключевых исследовательских проблемах [Dauvergne, 2005, p. 8].

Если мы согласимся с тем, что экополитология – это проект, далекий от завершения, что в качестве субдисциплины политической науки она еще не успела закоснеть и превратиться в монумент самой себе, то тогда следует допустить плюрализм методов и подходов, моделей репрезентации ее предметной области. Очевидно, что экополитологию можно «выстраивать» по-разному: на основе систематического изучения институтов экологической политики, ее акторов, анализа эколого-политических дискурсов и т.д. Но все-таки именно «выстраивать», а не пытаться предлагать заинтересованной аудитории (экспертам, активистам эоНПО, сотрудникам природоохранных ведомств, студентам) «все и сразу». Когда же авторы ряда опубликованных в России в последние годы монографий и учебных пособий пытаются охватить не только политологически релевантные сюжеты, но и экофилософию, экологическую этику, основы экологической теории, проблематику международных отношений, глобальные проблемы и некоторые из концептов глобализации, то лишь из деликатности это все можно называть «творческим хаосом». Но об экополитологии как об отрасли политической науки можно будет говорить уверенно лишь тогда, когда из этого хаоса родится хоть какой-нибудь порядок, основанный на четком представлении о концептуальных рамках и методологии.

Однако здесь, особенно в вопросе о концептуальных рамках экополитологии, есть опасность впасть в другую крайность. Отстаивая идентичность субдисциплины, можно поддаться соблазну абсолютизации предметной специфики и пытаться именно на ее основе очерчивать концептуальные рамки экополитологии. В частности, хотелось бы высказать сомнение в том, что концепция устойчивого развития может рассматриваться в подобном

качестве⁵. Как представляется, задача экополитолога состоит в критическом рассмотрении концепции устойчивого развития, как и любой другой теоретической конструкции из арсенала *экологической политики*, но не в форматировании своей исследовательской работы в соответствии с ключевыми положениями Доклада Брундтланд или Повестки дня на XXI век. В противном случае экополитолог неизбежно превратится в идеолога экологической политики. Соответственно, экополитология станет всего лишь политологическим направлением комплексного проекта создания Sustainability Science (что по-русски можно перевести как *устойчивоведение*), который продвигают ряд исследователей, прежде всего У. Кларк и Н. Диксон из Гарвардского университета [см.: Clark, Dickson, 2003].

Сказанное не означает, что экополитологу следует дистанцироваться от участия в экологической политике или от ее теоретических и нормативных оснований. Однако он не должен полностью отождествлять себя с ними и замыкаться в этих рамках. В конце концов, есть достаточно простой и практичный критерий зрелости и успеха экополитологии: она должна быть понятной и интересной тем, кто является специалистом в других отраслях политической науки. На субдисциплинарных пересечениях она должна хоть что-то давать нашим коллегам по политологическому цеху – новое знание, эмпирические данные, нестандартные методологические ходы... Если этого не происходит, то винить в этом надо вовсе не политическую науку.

Особый вопрос – формирование в России сообщества исследователей, занимающихся проблемами экополитологии. Как ни странно, у нас уже есть экополитология как дисциплина, которую преподают в вузах и по которой защищают диссертации, но полноценного специализированного сообщества с налаженными каналами профессиональной коммуникации – нет. Возьмем хотя бы наиболее авторитетные форумы нашего политологического сообщества – всероссийские конгрессы политологов. На предпоследнем, IV Конгрессе, проходившем в октябре 2006 г., были представлены по крайней мере отдельные доклады, в той или иной степени связанные с тематикой экополитологии. Спустя три года, на V Всероссийском конгрессе политологов, ситуация была еще хуже. В программе Конгресса можно было найти имена исследователей, публикующих работы по экополитологии (в том числе нескольких авторов настоящего тематического выпуска), но почему-то все они делали доклады или вели секции и «круглые столы» по темам, не имеющим отношения к экологической политике. Попыток организовать секцию или «круглый стол» по экологической политике и ее изучению не предпринималось. Среди почти двух десятков исследовательских комитетов, входящих в структуру Российской ассоциации политической науки, экополитология также отсутствует как тематическое направление.

При желании, разумеется, можно привести немало доводов, обосновывающих такое положение. Однако ясно, что объективные причины только прикрывают отсутствие достаточной субъективной мотивации к устойчивому взаимодействию исследователей, занимающихся проблемами экополитологии. Без налаженных каналов исследовательской коммуникации, автономной как от государственных структур, так и от экологических НПО, формирование авторитетного и работоспособного сообщества экополитологов затянется на длительное время. Хотелось бы надеяться, что настоящий тематический выпуск журнала «Политическая наука» внесет определенный вклад в консолидацию этого сообщества.

---

⁵ См. статью Е.И. Глушенковой в этом номере «Политической науки».

К теоретическим основаниям экополитологии: Либеральная демократия и решение глобальных экологических проблем

Характеристика экополитологии как субдисциплины политической науки, в частности, означает, что данная субдисциплина привносит нечто новое в обсуждение ключевых вопросов политической теории. К числу наиболее значимых теоретических аспектов экополитологии относится взаимосвязь экологической проблематики с представлениями о демократии и либерализме. Эта взаимосвязь характеризуется внутренней напряженностью, поскольку, с одной стороны, по мнению многих аналитиков, глобальный экологический кризис является оборотной стороной социальной и экономической практики либерализма, а с другой стороны, именно демократия позволяет во весь голос говорить о проблемах окружающей среды и добиваться соответствующих политических решений. В этом плане особое значение приобретает вопрос о возможности адаптации демократических принципов и институтов к решению задач, продиктованных глобальным экологическим кризисом.

Фундаментальные проблемы свободы, демократии, роли государства, прав индивида, общества, будущих поколений и природы составляют более широкий и постоянный контекст политических дискуссий об устойчивом развитии и глобальных экологических проблемах. В «классических» текстах концепции устойчивого развития – Докладе Брундтланд и Повестке дня на XXI век – преобладает стремление гарантировать соблюдение человеческих и гражданских прав при одновременном обеспечении минимальных стандартов социальной защищенности. С позиций либеральной политической философии здесь выявляются дополнительные важные обстоятельства. Прежде всего, к ним относится ограничение государственного вмешательства. Еще со времен Дж. Ст. Милля либеральное видение роли государства заключалось в том, что оно должно ограничивать свободу одного индивида лишь в той степени, чтобы защитить благополучие другого или – в особых случаях – чтобы защитить индивида от нанесения ущерба себе самому.

Но насколько этот принцип применим к охране окружающей среды и обеспечению прав будущих поколений? Для либеральной демократии ключевое значение имеет выявление и согласование индивидуальных предпочтений, поиск формулы, позволяющей удовлетворить как можно большее количество частных интересов [Miller, 1992]. Представления о стоящем над этими интересами общем благе оказываются излишними. Экологические интересы в контексте либеральной демократии определяются поиском компромисса между интересами экологических групп и интересами акторов, осуществляющих эксплуатацию природных ресурсов. В целом, однако, либеральная модель агрегирования групповых интересов лишь в малой степени позволяет решать задачи на основе коллективного действия.

Как правило, экологический ущерб трудно квантифицировать, он диффузен и в ряде случаев представляется довольно абстрактным, тогда как экономические интересы наиболее влиятельных групп измеримы и конкретны. Эти группы наиболее дистанцированы от негативных экологических последствий, но именно они оказываются в центре процесса принятия решений [Pateman, 1989, p. 163]. При этом не только происходит маргинализация экологических задач, но в структурном отношении имеет место углубление экономического неравенства, которое, в свою очередь, усиливается неравенством расовым, этническим, гендерным и т.д. А это означает еще более неравномерное социальное распределение экологического ущерба, нарастание несправедливости. Известное высказывание У. Бека «Бедность – иерархична, смог – демократичен» [Бек, 2000] справедливо лишь для тех видов экологического ущерба, которые действительно являются всеобщими. Фактически наибольший экологический ущерб приходится на долю наименее привилегированных групп.

Избирательный процесс в условиях либеральной демократии – один из главных механизмов учета социальных предпочтений. Естественно, что для либеральной демократии существуют четкие, по сути – непреодолимые границы между природным и социальным мирами. Учет «предпочтений» природных существ здесь исключен, а представительство их интересов – невозможно⁶.

Среди активистов экологического движения в странах Запада есть достаточное количество сторонников административной рациональности, полагающих, что интересы общества в решении той или иной экологической проблемы могут быть идентифицированы и артикулированы экспертами, а государственная бюрократия способна выступать эффективным защитником этих интересов [Andrews, 1980]. Однако данный подход игнорирует наличие у бюрократии, отдельных институтов или чиновников собственных специфических интересов. Наличие этих специфических интересов если не замещает, то существенно корректирует выражение институтами власти и управления интересов общества. Кроме того, по отношению к окружающей среде один и тот же индивид может определять свои интересы и как гедонистический потребитель, и как рыночный актор, и как ответственный гражданин. Но едва ли политические институты способны адекватно отразить весь спектр этих интересов, которые к тому же весьма изменчивы. В этом смысле эффективность традиционных институтов представительной демократии и основанного на них административного управления также вызывает сомнения.

Либерализм сам по себе нейтрален к предпочтениям, т.е. никакой внутренней предрасположенности к более дружественному для окружающей среды поведению в этой политической концепции нет. Более того, забота об окружающей среде в существенных аспектах расходится с либеральными индивидуалистическими ценностями и ориентациями, включая свободу выбора образа жизни. Интерпретации либеральной демократии различными группами интересов порождают серьезные трудности в плане экологической рациональности, поскольку не могут обеспечить консолидированного подхода к решению задач охраны окружающей среды.

На уровне государства и рынка либерализм служит удовлетворению человеческих потребностей, в том числе опасных для окружающей среды, а не воспитанию или перевоспитанию людей в духе уважения к природе. Принцип *laissez faire, laissez passer* в определении роли государства обеспечил торжество рыночной экономики, несущей основную долю ответственности за деградацию окружающей среды. И хотя сегодня нельзя отождествлять либеральную демократию и экономический либерализм, которые иногда оказываются и в конфликте друг с другом, их генетическая взаимосвязь не вызывает сомнений.

Тем не менее в связи с экологической тематикой возможна иная трактовка либеральной политической философии, выявляющая ее «зеленый» потенциал. Прежде всего, характерное для либерализма признание индивидуальной ответственности может быть расширено до признания обязанностей, связанных с окружающей средой. В системе либеральных ценностей демократия является важнейшей, но не единственной. Соответственно, должны быть выявлены и использованы возможности синтеза ценности демократии с другими ценностями, в том числе экологическими. Для либерализма и в особенности либертарианства один из возможных путей связан с институтом частной собственности, распространение которого на природные ресурсы могло бы, по мнению некоторых авторов [Dobson, 1998], способствовать достижению экологической устойчивости. Аргументация восходит еще к защите Дж. Локком законного характера собственности, который, в свою очередь, опирался на позицию, выработанную средневековым томизмом: «Земля и все на ней находящееся даны людям для облегчения их существования. И хотя все плоды, которые на ней естественным образом про-

---

⁶ Подробнее см. статью М. Виссенбурга в этом выпуске «Политической науки».

израстают, и все животные, которых она кормит, принадлежат всему человечеству, так как они являются стихийным порождением природы и находятся в силу этого в естественном состоянии, и никто первоначально не имеет частной собственности, исключаяющей остальную часть человечества, на что-либо из них, все же поскольку они даны для пользования людям, то по необходимости должно быть средство присваивать их тем или иным путем, прежде чем они могут принести хоть какую-либо пользу или вообще пойти на благо какому-либо отдельному человеку... Человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни, прежде чем этот предмет подвергнется порче. А то, что выходит за эти пределы, превышает его долю и принадлежит другим» [Локк, 1988, с. 278–279]. Таким образом, либеральная идея даже в своих первоисточниках исходит как из защиты права собственности, так и из его ограничения, связанного с обеспечением равных возможностей использования благ природы.

Эта позиция, отрицающая ценность природы, если она не преобразована человеческим трудом, подвергалась критике А. Леопольдом еще на заре экологического движения. В контексте глобального экологического кризиса основная проблема, связанная с трактовкой собственности Дж. Локком, заключается в «конечности» природы и невозможности многих ресурсов. Замещение природного капитала искусственным – естественный ответ экономического либерализма – это путь, ведущий в конце концов к еще более глубокому экологическому кризису.

Не менее серьезные затруднения связаны с обеспечением равенства прав пользования благами природы. В контексте социальной справедливости или справедливости внутри и между поколениями дилемма определения и согласования интересов различных групп становится еще более сложной. Здесь выявляются традиционные расхождения, существующие между классическими направлениями социально-политической мысли – консерватизмом (справедливость как соответствие существующей структуре собственности), либерализмом (справедливость как соответствие результатам трудовой деятельности) и социализмом (справедливость как соответствие потребностям).

Такие представители современной либеральной теории, как Дж. Роулз, вынуждены корректировать аргументацию Локка, рассматривая частную собственность с точки зрения общественного договора, в конвенциональном плане. Любое распределение благ, свобод и прав (в том числе права частной собственности) нуждается в обосновании. Один из путей такого обоснования в контексте экологических проблем – признание природы, животных, а также будущих поколений субъектами справедливости. Однако фактическое представительство их интересов остается открытым вопросом, оно порождает слишком много неразрешимых проблем. Более упрощенное рассуждение состоит в том, что люди заинтересованы в удовлетворительном состоянии окружающей среды, и, следовательно, экологические интересы обязательно должны учитываться. Но конкретное содержание этих интересов также является предметом неопределенности.

Дж. Роулз предлагает достаточно эффективный способ разрешения этой дилеммы, заключающийся в признании того, что у нас есть обязательства «хранителей» по поручению будущих поколений. При этом общество можно рассматривать в качестве системы сотрудничества между поколениями, разворачивающегося во временной протяженности [Rawls, 1993, p. 224]. В сущности, речь в данном случае идет о связи с ближайшим поколениями, о том, что условия их жизни по крайней мере не будут хуже условий жизни нынешних поколений. Сами же будущие поколения нет необходимости рассматривать в качестве субъектов справедливости. Кроме того, интерпретация идей Дж. Локка в современной либеральной политической философии [Wissenburg, 1998] позволяет сформулировать принцип сдержанности, согласно которому нельзя разрушать что-либо из того, что может быть использовано

на пользу кому-либо другому. Впрочем, этот принцип также имеет немало оговорок, возникающих при его практической реализации.

Многие государственные концепции перехода к устойчивому развитию прямо или косвенно апеллировали к принципам либеральной демократии. Например, Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденная Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г., называет в качестве основных предпосылок достижения поставленной цели обеспечение гражданских прав и свобод и формирование открытого общества, «включающего в качестве системных элементов правовое государство, рыночное хозяйство и гражданское общество» [Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, 1996]. При этом в духе экономического курса правительства России в 1990-е годы провозглашалась необходимость снижения государственного вмешательства в экономику при одновременном усилении государственного регулирования в тех областях, которые связаны с воздействием на окружающую среду.

Однако именно в институтах и структурах либеральной демократии коренятся некоторые существенные проблемы, подрывающие эффективность экологической политики. В частности, для эффективного решения экологических проблем требуется политический механизм, характерными чертами которого являются:

- отрицательная обратная связь, т.е. способность осуществить корректирующие действия в случае нарушения экологического равновесия;

- координация в решении многоаспектных проблем, означающая, что решение одной проблемы не должно приводить к возникновению нескольких новых, еще более сложных проблем;

- устойчивость, т.е. способность целенаправленно действовать в различных условиях и контекстах;

- гибкость, т.е. способность к эффективному преодолению неравновесия и нахождения выхода из кризисных ситуаций.

Многие специалисты исходят из того, что либеральная демократия не вполне соответствует этим критериям [Dryzek, 1995]. Так, отрицательная обратная связь в условиях либеральной демократии достигается как результат действий отдельных акторов, чьим интересам ранее был нанесен ущерб и которые участвуют в избирательной кампании, лоббировании, демонстрациях, материальном содействии экологическим группам или иных видах активности в порядке реагирования на этот ущерб. Но такой способ реагирования более характерен для случаев защиты экономических интересов, как представителей бизнес-структур, так – во многих случаях – и трудящихся. Координация также часто оказывается проблематичной, поскольку интересы заинтересованных акторов могут диаметрально отличаться друг от друга. Партикулярные интересы лишь в меньшинстве случаев будут соответствовать тому, что может быть определено как общий экологический интерес. Во многих случаях можно выявить корреляцию удовлетворения соответствующих интересов с политическим и экономическим влиянием их выразителей, но компромиссные действия на этой основе не дают никаких гарантий эффективного решения реальной экологической проблемы. Вместе с тем несоответствие критериям эффективности в решении экологических проблем может быть еще большим в случае, когда по тем же критериям оцениваются другие модели принятия решений, административные иерархии и международные переговорные механизмы.

В принципе никакой положительный опыт демократии в прошлом или настоящем не дает гарантий успеха в будущем, по крайней мере в том, что касается взаимоотношений человека и природы. Демократический процесс принятия решений является процессом, ведущим к выбору предпочтительного для большинства решения, которое не обязательно оказывается лучшим с точки зрения морали или экологии. Большинство участников эколо-

гического движения тем не менее видят альтернативу бюрократическому регулированию и «невидимой руке» рынка в открытости процесса принятия решений, в возможности участвовать в этом процессе заинтересованным сторонам. Демократия, участие в процессе принятия решений и транспарентность государственного управления амбивалентны: они несут в себе как конфликтный потенциал, так и потенциал позитивной мобилизации, позволяющей находить решения хотя бы части сложных экологических проблем.

Общественное участие не гарантирует оптимальных решений, но по крайней мере люди, которые будут иметь дело с их последствиями, в этом случае станут стремиться к поиску наиболее приемлемых вариантов. Власть, предоставленная сама себе, тем более – конкретная бюрократическая группа, склонна принимать решения, ориентированные в первую очередь на экономический рост. Тем самым ограничение и контроль власти, осуществляемые в рамках демократии, становятся более желательными с точки зрения решения проблем окружающей среды. Кроме того, развертывание широкого экологического движения становится возможным именно в условиях демократии (хотя это не исключает активизации экологически ориентированных общественных групп в условиях отсутствия демократии, как это было, например, в СССР). Противники разрушения окружающей среды могут, перефразируя У. Черчилля, заявить, что либеральная демократия плоха для экологии, но все прочие политические режимы – еще хуже.

Делиберативная демократия и экологическая политика

Если позитивный характер взаимосвязи между демократией и решением экологических проблем в настоящее время не вызывает серьезных разногласий, то в случае либерализма эта взаимосвязь носит амбивалентный характер. Более того, эта взаимосвязь по своему «знаку» является скорее противоположной соотношению глобализации и либерально-индивидуалистического начала, о большей или меньшей синхронности которых пишут ряд авторов [см.: Plattner, 2002; Мельвиль, 2004, с. 139]. Неудивительно, что пожелания «зеленой» корректировки либеральной демократии высказываются достаточно часто.

Для либеральной демократии одним из основополагающих является понятие «самоуправляемое сообщество». Однако в условиях глобализации «самоуправляемое сообщество» становится едва ли не фикцией. Точнее, появляется необходимость говорить о сообществах нового типа, границы которых неопределенны или чрезвычайно подвижны. При этом в плане демократии большее значение будет иметь уже не агрегирование предпочтений в пределах самоуправляемого сообщества, а коммуникация, содержание и характер взаимодействий поверх территориальных или функциональных границ. Но коммуникативная рациональность позволяет сделать и следующий шаг в преодолении границ между миром природных и социальных сущностей. При этом оказывается, что отношения человека и природы обретают политическое измерение, и появляется возможность говорить о тех формах демократии, которые создают более благоприятные возможности для решения экологических проблем.

Отправной точкой здесь может служить теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса [Хабермас, 2000, с. 90–92]. Согласно Хабермасу, модернизация характеризуется двумя аспектами рациональности. Первый – инструментальная рациональность – состоит в способности находить, выбирать и осуществлять наиболее эффективные способы достижения осознанных и четких целей. Второй аспект – коммуникативная рациональность – предполагает достижение понимания и согласия относительно целей на основе диалога между субъектами социального действия, в рамках социализации. В отличие от действия на основе сотрудничества, стимулом которого является угроза или вознаграждение, коммуникативная рациональность зависит от степени добровольной вовлеченности в соответствующее

действие заинтересованных и компетентных индивидов. Диалог между ними способствует осознанию взаимных прав и моральных обязательств этих индивидов, продуцирует солидарность, имеющую внутреннюю связь со справедливостью. С точки зрения Хабермаса, инструментальная рациональность присуща прежде всего тем формам социальной жизни, где доминируют деньги и власть, т.е. капитализму и бюрократии. Экологическая политика в рамках инструментальной, или прагматической, рациональности ориентирована на решение проблем или урегулирование конфликтов, а демократическое участие в процессе принятия решений преследует сугубо функциональные цели.

Коммуникативная рациональность в первую очередь конституирует модель делиберативной демократии, в которой диалог и взаимопонимание по важности опережают прагматическое решение проблем. В то же время делиберативная демократия обладает потенциалом сопряжения коммуникативной и инструментальной рациональности. Но применительно к экологической проблематике возникает вопрос о взаимодействии (коммуникации) субъектов социального действия как между собой, так и с природой. На первый взгляд, коммуникация возможна только между людьми, а отношения социальных акторов к природе характеризуются исключительно инструментальной рациональностью. Соответственно, одна из важных задач коммуникативной рациональности должна состоять в предотвращении того, чтобы взаимодействие между людьми уподоблялось взаимодействию человека и природы [Alford, 1985, p. 77].

Однако реинтерпретация понятия коммуникации, предполагающая отход от позиции Хабермаса, может открыть новые горизонты. Одна из возможных трактовок коммуникации может быть основана на теории сети акторов Б. Латура и М. Каллона, в которой нивелируются различия между социальным, природным и техническим [Latour, 2004; Callon, 1986]. В частности, использование понятия *актант* позволяет при анализе сетевых взаимодействий уподобить природные объекты или технические системы социальным акторам. Или, иначе говоря, речь идет об акторах, лишенных способности осознавать свою субъектность, которая не равноценна возможности воздействовать и взаимодействовать. Таким образом, природа в целом или отдельные экосистемы могут рассматриваться в качестве актантов. Тогда с точки зрения демократии исключительно инструментальное отношение к природным актантам будет в этическом и политическом аспектах восприниматься столь же негативно, как и стремление одного актора пренебречь интересами других акторов. И напротив, отношение к импульсам, исходящим от природы, должно быть не менее внимательным и уважительным, чем отношение к сигналам, исходящим от социальных акторов. Коммуникация с природными актантами может и должна быть объектом рефлексии и рационального контроля. Нарушение естественных циклов в результате антропогенного воздействия, например видового разнообразия или климатического баланса, оказывается здесь одним из элементов социальной коммуникации.

В этом контексте могут быть реинтерпретированы некоторые холистские концепции взаимоотношений природы и человечества, развиваемые на основе синтеза философских и естественно-научных представлений. В их числе можно назвать учение В.И. Вернадского о ноосфере и его позднейшие интерпретации, гипотезу Геи Дж. Лав-лока, теорию биотической регуляции окружающей среды и др., которые характеризуют роль биосферы в целом как основополагающую в поддержании жизни на Земле. В общем плане речь может идти о замене представлений о коэволюции природных и социальных систем представлениями об их коммуникации. Тогда можно будет говорить уже не о заведомо невозможной синхронизации или гармонизации социальных и природных процессов, а о коммуникативной связи социального и природного. Понимание природы как участника социальной коммуникации позволяет устранить серьезные расхождения между вышеназванными концепциями.

Согласно Дж. Лавлоку, «стабильное состояние нашей планеты включает в себя человека как часть и как партнера» биосферы [Lovelock, 1979, p. 145]. В сущности, вопрос состоит в том, чтобы, рассматривая это партнерство в качестве коммуникативной связи, сделать выводы, касающиеся политической демократии и – возможно – дальнейшей трансформации идей об устойчивом развитии и глобальном экологическом управлении. Условно говоря, совокупность этих выводов можно назвать экодемократией, имея при этом в виду, что речь идет о специфической интерпретации делиберативной демократии.

В случае с экодемократией принципиальное значение имеет эффективность коммуникации, преодолевающей границы между природным и социальным мирами [Dryzek, 1995]. Такая коммуникация не опосредована материальными интересами отдельных акторов, как это имеет место в контексте либеральной демократии. В этой коммуникации должны фиксироваться и сигналы обратной связи, исходящие от природных актантов. Ясно, однако, что фиксация и интерпретация сигналов природных актантов невозможны без решающей роли экспертов, а в дальнейшей коммуникации необходимы активное взаимодействие и активные дискуссии с другими социальными акторами. Следовательно, экодемократия скорее выступает вариацией делиберативной демократии с ее идеалом свободного обсуждения проблем и интересов.

Либеральная модель демократии, рассматривающая людей как частных политических потребителей, создает недостаточно стимулов для развития общественно значимой экологической этики, осознания коллективной ответственности за состояние окружающей среды и осуществления на этой основе эффективных мер. Делиберативная модель предполагает такое изменение контекста, в котором обеспечивается коммуникация между теми, кто является виновником экологического ущерба, и теми, кто испытывает его на себе. При этом характер процесса принятия решений изменяется, так как в нем нет привилегированных групп, а поиск решений осуществляется на основе равноправного диалога и согласования интересов. Именно в рамках делиберативной модели, предполагающей равноправное участие заинтересованных сторон, экспертов и лиц, принимающих решения, происходит и существенное возрастание политической роли научного сообщества.

Тем не менее полных гарантий равноправия и справедливости делиберативная модель дать не может, поскольку, в сущности, ее методы, применяемые в рамках различных процедур поиска консенсуса, означают лишь большие интенсивность, охват и степень открытости процесса агрегирования различных интересов. Если появляются только формальные структуры для общественного участия и дискуссий без создания материальных предпосылок равноправного участия, то воспроизводится лишь подобие «мини-либерализма» [Patemen, 1989, p. 142]. С другой стороны, было бы неправильно недооценивать роль механизмов делиберативной демократии в условиях, когда институты представительной демократии ослаблены или являются фасадом авторитарного режима.

По всей видимости, модель экодемократии должна ориентироваться на сетевое взаимодействие различных политических акторов и институтов в глобальном масштабе. Но тогда возникает вопрос о конкретных способах координации и взаимодействия. Сегодня появляются серьезные сомнения в том, что наиболее эффективный путь – это межгосударственное взаимодействие или же игра рыночных сил. Ясно, что в обоих случаях экологические интересы не будут поставлены в верхнюю строчку списка приоритетов. Поэтому поиск путей экодемократизации должен идти помимо государственных акторов, в структуре гражданского общества, которое сосуществует с государственной властью, находится с ней в отношениях как сотрудничества, так и противостояния. Идентичность структур гражданского общества неразрывно связана с ощущением себя «не-властью». С другой стороны, структуры гражданского общества нельзя считать антивластью, поскольку их противостояние в нормальных условиях локализовано одной или несколькими конкретными пробле-

мами. Кроме того, некоторые представители и силы гражданского общества, например часть зеленых, считают возможным вхождение во власть, что также удерживает противостояние в рамках допустимого.

Экосоциализм и движение за экологическую справедливость

В середине 1980-х годов усилия руководства СССР и некоторых других стран «реального социализма» по реформированию экономической и политической систем имели одним из своих следствий значительные изменения в сфере экологической политики. Ряд политических решений – от отмены проекта поворота северных рек до институционализации природоохранного ведомства в структуре союзного правительства – создавали впечатление о начале новой главы в экологической политике СССР. Однако их более детальный анализ свидетельствует скорее об отсутствии системного подхода, поскольку одни решения были обусловлены углублением экономического кризиса и ухудшением внешнеторговой конъюнктуры, а другие – особенно в последние годы перестройки – тщетным стремлением избежать политизации экологических проблем. Как справедливо отмечал О.Н. Яницкий, «природу предполагалось беречь, но ровно настолько, насколько это требовалось для сохранения Системы и образа жизни ее элиты» [Яницкий, 1994, с. 10].

Идеологическая доктрина не успевала реагировать на изменения в общественном сознании. Попытки М.С. Горбачева, а также ориентированных на реформы деятелей правящих партий в Польше и Венгрии модифицировать официальную идеологию в духе «нового мышления» создавали определенные предпосылки если не для ее экологизации, то, во всяком случае, для восприятия некоторых базовых принципов устойчивого развития. Но волна «бархатных революций» 1989 г. в Восточной Европе и распад Советского Союза сняли проблему господствующей идеологии как таковую. В каком-то смысле это облегчило усилия, направленные на интеграцию экологических представлений и социалистических идей. Для сторонников такого подхода исчезла необходимость соотносить свои взгляды с практикой взаимоотношений природы и общества в странах «победившего социализма».

Несмотря на ограниченное влияние экосоциализма, обзор современных эколополитических теорий был бы неполным без рассмотрения этого круга идей. Ключевое марксистское положение о необходимости революционного слома системы, в которой трудящиеся отделены от собственности на средства производства, в версии экосоциализма предполагает установление такой системы производственных отношений, где исчезнет противоречие между природой и созидательным трудом на благо всего общества. В своих интенциях сторонники экосоциализма оказываются ближе не к Марксу, а к критической позиции У. Морриса, который видел одну из самых серьезных опасностей в том, «что наисильнейшие и мудрейшие представители человечества, стремясь к полной власти над природой, уничтожают ее естественные и наиболее распространенные дары и таким образом поработают простых людей и друг друга – и в конце концов втянут мир в новое варварство, еще более подлое и в тысячу раз более безнадежное, чем прежнее» [Моррис, 1973, с. 99]. По сути дела, экосоциализм отходит от антропоцентристской позиции, присущей учению К. Маркса, и предпринимает попытку переформулировать социалистические идеи на основе эгоцентризма.

Теоретики экосоциализма исходят из того, что господство капитала является разрушительным для окружающей среды, несовместимым с принципами равенства и социальной справедливости. Соответственно, социальная революция может быть вызвана причинами экологического порядка. С этим связана и характерная для экосоциалистов критика в отношении большинства зеленых, которые, прибегая к методам парламентской борьбы и используя инструментарий буржуазной демократии, способствуют укреплению капиталистического господства.

Современный экосоциализм в той версии, которую представляет один из ведущих деятелей партии зеленых США Дж. Ковель, исходит из отрицания безальтернативности капитализма и либеральной демократии [Kovel, 2002, p. 223]. Представители экосоциализма отдают себе отчет в том, что существующая система трудовых отношений в индустриально развитых странах и международное разделение труда в системе глобального капитализма дают очень мало шансов для продвижения их идей. Поэтому основную ставку они делают уже не на революционный класс и его партию-авангард, а на сетевое взаимодействие и активность различных групп и сообществ, заинтересованных в кардинальном решении социальных и экологических проблем. При этом вовсе не обязательно, чтобы участники этих групп разделяли марксистские взгляды, – в достижении целей экологического преобразования общества возможно широкое взаимодействие с религиозными общинами, синдикалистскими объединениями и многими другими группами, руководствующимися различными идеологическими установками, но разделяющими общие ценности и негативное отношение к глобальному капитализму. В качестве одной из составных частей антиглобалистского движения экосоциализм ориентируется на инновационные формы сопротивления капитализму, прежде всего, на использование возможностей Интернета для создания альтернативных средств массовой информации. Последние должны не только служить противовесом капиталистическим медиаимпериям, но и выступать в качестве средства координации политических акций сторонников экосоциализма и антиглобализма, их объединения в «сообщество сопротивления» [Kovel, 2002, p. 229].

Вместе с тем сторонники экосоциализма считают возможным появление на основе «сообществ сопротивления» партии «нового» типа, отличающейся как от буржуазных партий (включая зеленых, которые предлагают лишь реформистский путь), так и от лишенной внутренней демократии партии-авангарда, скроенной по ленинским рецептам. Такая партия может быть рекрутирована из активистов антиглобалистского движения и сочувствующих. При этом она должна избегать доминирования одной из фракций, используя принцип регулярной ротации партийного руководства и допуская свободу дискуссий.

Экосоциалисты нередко дистанцируются от зеленых, несмотря на то что программа зеленых в ФРГ и некоторых других европейских странах формировалась под сильным влиянием марксистских идей о необходимости изменения социальной организации, основанной на несправедливых иерархических отношениях господства как предпосылки решения экологических проблем. Экосоциалисты выступают с критикой зеленых также и в том плане, что последние фактически представляют лишь региональные интересы, в основном европейские. С точки зрения экосоциализма должны быть сделаны реальные шаги в борьбе против расизма, который имеет и экологический аспект. Экосоциализм, таким образом, позиционирует себя как международное движение, разделяющее принципы экологической справедливости и солидарности с радикальными социальными и национальными движениями в развивающихся странах (например, с мексиканскими сапатистами).

Дж. О'Коннор, один из ведущих теоретиков этого направления, следующим образом характеризует основные программные установки экосоциализма и близких к нему течений антиглобализма: «...бедность может быть уничтожена в считанные месяцы при наличии политической воли, а также экономических и экологических ресурсов. Первый шаг – сделать уничтожение бедности важнейшей задачей международной политики. Второй шаг – ассигновать на ее решение несколько миллиардов долларов из Всемирного банка, МВФ, банка регионального развития и других источников. Третий шаг – использовать эти средства не для развития человеческого капитала или другого вида капитала, а для строительства с применением локальной биомассы домов, школ и прочего; для хорошей оплаты медицинского обслуживания, школьного образования... Далее, отбирать инвестиционные проекты не для минимизации экологического ущерба на локальном или региональном уровне, но для

максимизации таких ценностей, как экология, самоуправление, культура, здравоохранение и т.д.: просто полное изменение существующих капиталистических ценностей и критериев инвестирования. Не “безопасная пища”, но “питательная пища”. Не “адекватное жилье”, но “превосходное жилье”. Не “массовый транспорт”, но “общественный транспорт различных видов, пользование которым доставляет удовольствие”. Очевидно, не “химизированное” сельское хозяйство, а “свободная от пестицидов агрономия”. Не “пищевые монополии”, но “глобальное распределение от фермы к рынку» [O'Connor, 2001, p. 1]. Невозможность осуществить эти преобразования обусловлена капиталистическим господством, имеющим глобальный характер. Усилия, соответственно, должны быть направлены на революционное преодоление этого господства в глобальном масштабе. В этой связи становится неизбежной активизация борьбы против системы глобального капитализма, причем острота противостояния будет усиливаться с обеих сторон [Kovel, 2002, p. 236].

Отношения собственности в условиях экосоциализма, как это характерно для марксистских теорий, должны характеризоваться приматом общественной собственности, управление которой позволит решить проблемы социальной справедливости и обеспечить оптимальный баланс между природой и обществом. Однако, учитывая глобальный характер экологических проблем, возникнет необходимость в управлении общественной собственностью и на глобальном уровне. При этом речь не идет о превращении самой планеты в коллективную собственность человечества, о чем писал еще К. Маркс в третьем томе «Капитала» [Маркс, Энгельс, 1962, с. 776]. Земля должна рассматриваться как узуфрукт, объект, на разумное пользование плодами которого все, в том числе будущие поколения, имеют равные права. Экосоциализм, в сущности, должен выступить организационной формой метаболизма между природой и человечеством как свободной ассоциацией трудящихся. В то же время экосоциализм должен избежать роковой ошибки социализма советского образца, в условиях которого верховным собственником выступало государство, а отчуждение общества от собственности в некоторых отношениях было более сильным, чем в условиях капиталистического господства.

По отношению к основному массиву политических сил, придерживающихся коммунистической идеологии или других версий революционного марксизма, экосоциализм занимает скорее маргинальное положение. Однако его появление в составе движения антиглобализма свидетельствует о том, что идеи устойчивого развития не позволяют предложить эффективного решения комплекса проблем, обусловленных взаимосвязью экологического кризиса и социальных процессов. Причем здесь можно говорить о разочаровании как конкретными политическими решениями, так и концептуальным подходом устойчивого развития.

В сущности, разочаровавшись в идеях устойчивого развития, экосоциализм предлагает искать решение взаимосвязанных проблем окружающей среды и социальной справедливости при помощи очередной модернизации социальной теории, возникшей более полутора веков назад. В то же время голос экосоциализма – лишь один из многих протестных голосов антиглобалистского хора. К нему, в частности, присоединяются голоса сторонников движения за экологическую справедливость.

Движение за экологическую справедливость получило наибольшее развитие в США, где оно служит выражением специфических интересов малообеспеченных групп, аборигенов, этнических и расовых меньшинств. Экологическая справедливость в данном случае выступает как одно из измерений социальной справедливости, поскольку расселение малообеспеченных групп и представителей этнических меньшинств в экологически неблагоприятных зонах имеет социально-экономические причины. Дальнейшая концентрация в этих зонах опасных для здоровья и окружающей среды производств выступает некой формой

положительной обратной связи, усугубляющей уже существующие проявления социального неравенства.

Движение за экологическую справедливость, как правило, дистанцируется от других направлений и акторов борьбы за сохранение окружающей среды, подчеркивая, в частности, свой антропоцентристский характер и стремление поставить в центр своей активности гражданские права. Политизация движения за экологическую справедливость становится отражением комплексной взаимосвязи с борьбой за равноправие в других важных аспектах существования соответствующих групп и меньшинств. Движение за экологическую справедливость претендует на возрождение традиций движения за гражданские права периода 1960-х годов, подчеркивая свой характер «инициативы снизу». Его представители заявляют о формировании нового эколого-политического дискурса, отличного от того, что формируется научным сообществом, институтами административного управления, промышленными корпорациями или бизнесом [Bullard, 2005, p. 435]. В этом дискурсе связь между социальным развитием и экологическими проблемами еще больше радикализуется, поскольку основное внимание активисты движения уделяют разоблачению дискриминации меньшинств и несправедливости по отношению к наименее социально защищенным слоям населения, имплицитно присутствующей во многих управленческих и политических решениях по проблемам окружающей среды. На первом плане здесь оказываются взаимосвязанные требования процедурной, географической и социальной справедливости.

Процедурная справедливость заключается в том, что применяемые правительственными органами критерии экспертной оценки, регулирования и принятия решений должны быть недискриминационными и равными для всех. Географическая справедливость означает, что решения должны приниматься с учетом пространственной локализации тех или иных групп населения, их близости к промышленному объекту или территории, использование которых может иметь неблагоприятное экологическое воздействие. Принцип социальной справедливости фокусирует внимание на проявлениях фактической дискриминации по признаку расы, этнической принадлежности, стиля жизни и т.д., которые имеют место в процессе принятия решений по экологической проблематике. Несоответствие этим требованиям позволяет выявить ряд фактов, которые активисты движения за экологическую справедливость характеризуют как скрытый апартеид в таких областях, как городское планирование, индустриальное развитие, землепользование и т.д. Сторонники движения за экологическую справедливость выявляют и обобщают подобные факты в современной практике управления, которые они характеризуют как институциональный расизм [Bullard, 2005, p. 439].

Активисты движения за экологическую справедливость не только выявляют факты дискриминации в отношении аборигенного населения, этнических и расовых меньшинств внутри США, но стремятся показать, что подобная дискриминация проецируется и вовне, по отношению к странам «третьего мира». В частности, это относится к массовому выводу «грязных» производств в страны «третьего мира», экспорту в эти страны разнообразных отходов для переработки или депонирования (в случае радиоактивных отходов объектом такого рода внимания со стороны индустриально развитых стран оказалась и Россия), а также к трансграничным загрязнениям.

Экологическое гражданство

К проблематике взаимосвязи демократии, справедливости и устойчивого развития относится также вопрос об экологическом гражданстве. Эта идея в этическом плане была высказана еще в конце 1940-х годов американским экологом А. Леопольдом, который использовал термин «биотическое гражданство» в контексте позиционирования человека в

планетарном сообществе. Согласно А. Леопольду, «этика Земли превращает homo sapiens из покорителя земельного сообщества в простого его члена и гражданина», она означает ограничение свободы действий человека в его борьбе за существование [Леопольд, 1983, с. 200]. Основное препятствие к достижению идеалов этики Земли и биотического гражданства А. Леопольд видел в социальных отношениях и отношениях между обществом и природой, основанных на экономическом интересе.

Дальнейшее развитие идеи экологического гражданства было связано с разграничением с теми типами гражданства, которые обусловлены принадлежностью к национальному государству (либеральное и республиканское). Это расхождение обусловлено глобальным или транснациональным характером экологических проблем – изменений климата, сокращения озонового слоя, кислотных дождей, трансграничного загрязнения и т.д. Проблематика окружающей среды конституирует свое собственное политическое пространство, не столько наднациональное, сколько вненациональное, весьма подвижное в определении границ своей территориальной локализации. Стоит заметить, кстати, что так происходит почти везде, где в постановке политической проблемы активную роль играет наука. Не менее важна роль различных групп, в частности неправительственных организаций, способных конституировать соответствующее политическое пространство и позиционировать себя в нем [Dobson, 2003, p. 85–86].

Основное отличие экологического гражданства от либерального и республиканского заключается в отходе от принципа пространственной целостности. Политическое пространство, которому может быть атрибутировано экологическое гражданство, будет специфическим пространством «экологического следа», отличающимся от национального государства или международного сообщества. «Экологическим следом» называется то «пространство земли (или воды), которое необходимо для неограниченного во времени поддержания жизни определенного населения и его материального стандарта» [Wackernagel, Rees, 1996]. Пока экологическое пространство рассматривается как неограниченное, на него не обращают внимания. Но как только становятся очевидными пределы или ограничения на локальном, региональном или глобальном уровне, экологическое пространство становится дефицитным и невозполнимым, поскольку невозполним нанесенный ему ущерб.

Существует жесткая взаимосвязь между занимаемым экологическим пространством и устойчивостью экосистем. Эта связь заключается в том, что с точки зрения устойчивого развития на экологическое пространство должны накладываться дополнительные ограничения, позволяющие обеспечить соответствие этого населенного пространства критериям устойчивости. Такие ограничения могут быть отнесены к индивидам или группам, что в принципе позволяет определить количество или «квоту» экологического пространства, доступные соответствующим индивидам или группам. Этот подход может быть применен к ограничениям различных ресурсов или выбросов, как, например, в случае с эмиссией парниковых газов. Таким образом, пространство экологического следа – это совсем не обязательно целостное или гомогенное пространство. Например, если говорить о зерновых ресурсах, то зоны их потребления могут находиться на значительном расстоянии от зон производства, но вместе они могут рассматриваться как пространство экологического следа.

Представляется уместным говорить о пространственно-временном измерении экологического гражданства, поскольку одной из его импликаций являются отношения с будущими поколениями. По мнению некоторых аналитиков, такое представление об экологическом гражданстве позволяет достаточно бесконфликтно учесть и «собственные права» природных систем, сохранение которых становится гарантией достойного существования будущих поколений [Norton, 1991, p. 239].

Какие же обязательства могут быть связаны с экологическим гражданством? По мнению Э. Добсона, основное обязательство должно состоять в том, что экологический след не

будет оказывать эффекта, расходящегося с характеристиками устойчивого развития [Dobson, 2003, p. 97]. Ориентируясь на терминологию Доклада Брундтланд, можно сказать, что экологическое гражданство отдельного индивида означает, что его экологический след не угрожает и – тем более – не исключает способность других индивидов в настоящем или будущем достигать важных для них целей. Вытекающие из этого обязательства «экстерриториальные», как правило, не связаны с пространственными пределами той или иной политики. Они также асимметричны и не могут являться взаимными обязательствами. Если чей-либо экологический след не соответствует критериям устойчивого развития, то «экологический гражданин» должен в одностороннем порядке стремиться к его ограничению, не требуя от кого-либо симметричных действий.

Мотивацией «экологического гражданина» служит не страх наказания или ущерба и не стремление достичь экономической выгоды или социального статуса, а соображения альтруистического порядка, стремление быть добродетельным по отношению к природе и другим индивидам. Такого рода добродетель совмещается с добродетелями, характерными для либерального и республиканского гражданства. Но в отличие от последних, она основывается на принципе исключения или минимизации экологического ущерба, который, в частности, ориентирует «экологического гражданина» на сдержанность в потреблении и на снижение энергозатрат. Принцип исключения или минимизации экологического ущерба должен действовать и в том случае, когда ущерб наносится окружающей среде в другом государстве: экологическое гражданство здесь, по сути, становится гражданством космополитическим. Впрочем, применительно к межгосударственным отношениям принцип ненасения ущерба был обоснован еще Гуго Гроцием.

В более широком плане добродетель «экологического гражданина» заключается в осознании ответственности за свои решения и действия, исходя из обязательства личного вклада в коллективные усилия по достижению устойчивого развития как общего блага (здесь выявляется связь с республиканским типом гражданства). Важнейшими аспектами этой добродетели являются учет интересов других и открытость дебатам, что характерно для делиберативной демократии (связь с либеральным типом гражданства). Соответственно, необходимой предпосылкой космополитического экологического гражданства выступает наличие демократии на уровне национальных государств.

Глобализация также является фактором, существенно влияющим на дальнейшую интерпретацию экологического гражданства. Дискурс устойчивого развития основывается на рассмотрении экологических и социальных проблем в их взаимосвязи; глобализация еще больше усиливает «размывание границ» экологической проблематики. Глобализация ведет к исчезновению политического внешнего, к тому, что Ю. Хабермас называет «внутренней политикой в масштабах планеты» [Habermas, 1998, p. 39]. Трудность заключается в том, что подавляющее большинство людей ориентируются на паттерны гражданства, связанные с территориально локализованным государством. Формирование глобальной идентичности и, соответственно, нового типа гражданства становится все более важной задачей. По всей видимости, экологическое гражданство может рассматриваться в качестве важного шага к формированию идентичности глобального гражданского общества.

Экологические проблемы и глобальное гражданское общество

На протяжении XX в. количество неправительственных организаций росло экспоненциально: со 179 в 1909 г. до более чем 24 тыс. в 2000 г. [Френч, 2002, с. 199]. Экологическая проблематика стала при этом не просто одной из новых сфер деятельности НПО. Политизация экологических проблем, признание их транснационального характера открыли новую эпоху в истории неправительственных организаций. Более того, сам процесс станов-

ления глобального гражданского общества оказался самым тесным образом связан с бурным ростом численности экологически ориентированных НПО в последней трети XX в. Его ярко выраженный транснациональный характер служил своеобразным проявлением «глобализации снизу». На рубеже 1980–1990-х годов Дж. Розенау характеризовал происшедшие перемены как «бифуркацию, в которой государствоцентричная система отныне сосуществует с не менее мощной, хотя и более децентрализованной, многоцентричной системой» взаимодействия «свободных от суверенитета акторов» [Rosenau, 1990, p. 11]. Наряду с ТНК ведущую роль в этой системе стали играть международные неправительственные организации, фактически взявшие на себя представительство интересов гражданского общества поверх границ отдельных национальных государств.

Неправительственные организации играют исключительно важную роль в формировании и эволюции эколого-политических дискурсов [см.: Ефременко, 2006]. Многочисленные экологические НПО можно сравнить с питательным бульоном, в котором вызревают инновационные идеи и подходы к экологической политике. Но некоторые экологические НПО осознанно ставят в центр своей активности воздействие на нормы, ценности, дискурсивные стратегии, паттерны восприятия, связанные с отношениями человека и природы. К числу таких НПО относится и Гринпис. Для активистов Гринпис одним из основных способов достижения этих целей является наглядная демонстрация протеста против экологических злоупотреблений. Ставка делается на визуализацию, когда организованная гринписовцами акция ненасильственного протеста может быть максимально эффектно преподнесена мировыми средствами массовой информации. По сути дела, массмедиа многократно усиливают эффект действий активистов Гринпис, который без «медийного покрытия» мог бы оставаться практически нулевым. Когда активисты Гринпис взбираются на борт китобойного судна, проникают в зону проведения ядерного испытания или преграждают путь составу с радиоактивными отходами, главным героем, без которого эти акции просто не состоялись бы, является видеокамера. Именно тесное взаимодействие с медийными акторами способствовало росту как популярности, так и бюджета Гринпис. Вместе с тем обеспеченные Гринпис визуальные эффекты в самом деле способствовали изменению отношения широких слоев общественности разных стран к таким проблемам, как промысел китов или запрет ядерных испытаний. Кроме того, Гринпис не ограничивается такого рода активностью, но реализует собственные программы научных исследований и экологического образования, развивает собственную, альтернативную официальным источникам, базу экологической информации, использует механизмы лоббирования на национальном и международном уровнях.

Впрочем, деятельность Гринпис – это особый случай. Рутинная деятельность тысяч других национальных и международных экологических организаций заключается в наблюдении, лоббировании, многочисленных контактах с прессой, организации альтернативных слушаний с участием экспертов, налаживании взаимодействия друг с другом и т.д. Но именно в этой рутине происходит формирование и укрепление экологически ориентированных сетей гражданского общества «поверх, вокруг и внутри государств» [Haas, Keohane, Levy, 1993, p. 24].

Активность НПО оказывает существенное влияние и на научное сообщество, поскольку многие организации выступают инициаторами и спонсорами научных исследований, результаты которых нередко становятся альтернативой тем выводам и предложениям, которые высказываются правительственными экспертами или учеными, занимающими официальные посты в межправительственных организациях. Тем самым удается исключить или минимизировать монополизацию экспертизы, побудить политические инстанции к расширению когнитивного и информационного базиса принятия решений. Многие авторитетные исследовательские институты (например, Институт мировых ресурсов – *Worldwatch Institute*

и др.) имеют статус неправительственных организаций. Кроме того, ряд НПО благодаря собственным программам научных исследований и экспертных оценок получают возможность аргументировать свою позицию, если она расходится с позицией национальных правительств или международных организаций. Еще большее количество НПО, даже если они не имеют собственных исследовательских программ, выступают в качестве каналов альтернативной информации, мобилизуют общественное мнение, осуществляют представительство интересов групп, ранее не имевших никакой возможности влиять на процесс принятия решений.

Научное знание, которое появляется в результате такого взаимодействия ученых и гражданского общества, отличается не только междисциплинарностью, являющейся следствием комплексного характера исследуемой проблемы, но и трансдисциплинарностью, отражающей социальный контекст ее возможного решения. Коммуникация экологического риска, в которой представители науки по-прежнему играют важнейшую роль, облегчается формированием сетей гражданского общества. Имея в виду участие представителей науки в этом процессе, можно также говорить о возникновении сетей гибридных, или эпистемических, сообществ. Механизм действия таких сообществ был детально рассмотрен П. Хаасом на примере разработки Средиземноморского плана действий, направленного на контроль и снижение уровня загрязнения Средиземного моря. По оценке Хааса, в условиях неопределенности, когнитивного дефицита и трудностей с восприятием научной информации неспециалистами достижение согласия между несколькими авторитетными экспертами играет решающую роль. Достигнутый консенсус получает мощную поддержку представителей общественных организаций, а также части правительственных чиновников (обычно из природоохранных ведомств), ориентированных на взаимодействие с этими экспертами. Тем самым удается достичь существенного перевеса над потенциальными оппонентами. В этих условиях правительства склоняются к передаче регулирующих полномочий по соответствующей проблеме тем ведомствам, где преобладают представители эпистемического сообщества [Haas, 1990, p. 348].

Вместе с тем существуют и более осторожные оценки роли эпистемических сообществ. Так, Ш. Джасанофф указывает, что активность эпистемических сообществ в ряде случаев способствует радикализации политических конфликтов, поскольку в таких конфликтах точка зрения по крайней мере одной из сторон получает дополнительную научную аргументацию [Jasanoff, 1990]. В то же время привнесение научного дискурса в международные переговоры по экологической проблематике меняет их характер, способствуя отходу от аргументации, основанной исключительно на национальном интересе.

Модель широкого взаимодействия с неправительственными организациями и эпистемическими сообществами была характерной для деятельности Комиссии ООН по устойчивому развитию. Она широко использовалась и при организации переговорного процесса по проблематике биоразнообразия, изменений климата, при подготовке и проведении саммита 2002 г. в Йоханнесбурге, а также была воспринята при организации других многосторонних переговоров в рамках ООН (например, Венская конференция 1993 г. по правам человека, Каирская конференция 1994 г. по проблемам народонаселения, Пекинская конференция 1995 г. по проблемам женщин и т.д.). В этом отношении международные организации и форумы, занимающиеся проблемами окружающей среды, сильно отличаются от таких структур, как ВТО, где исключено участие представителей общественности даже в качестве наблюдателей. Напротив, на переговорах по проблемам глобальной экологической повестки постепенно расширяется практика включения представителей НПО в состав официальных правительственных делегаций (например, на переговорах по изменениям климата эту практику инициировала Дания). Принятие в 1997 г. Орхусской конвенции внесло значительный вклад в формирование юридической основы участия НПО в принятии решений по пробле-

мам окружающей среды в странах Европы (Россия до сих пор воздерживается от ратификации Орхусской конвенции).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.